

1-й этаж

ГОЛОСОТЪ ЖИЗНИ

915 № 22

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 22.

Р. Бланкъ. „Россия и Англия“ (статья).

Георгій Чулковъ. „Исторія Христофора“ (рассказъ).

Викторъ Хвинь. „Голосъ изъ подполья“ (статья).

Н. Гумилевъ. „Стихотворенія“.

М. Шагинянъ. „Армянское зодчество“ (статья).

Н. Долговъ. „Нѣмецкое влияние въ русскомъ театрѣ“ (статья).

ВѢСТИ и МНѢНІЯ. „Письмо въ Редакцію“— **Н. Лернера.** „Фуксидидъ и Владиміръ Каренинъ“— **Панлина.**

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Г. Верейский. Къ постановкѣ „Сверчка на печи“ студіей Московскаго художественнаго театра: „Калебъ“ (г-нъ Чеховъ) (стр. 5), „Мари“ (г-жа Дурасова) (стр. 7).

ЗАСТАВКИ: **А. Зайчека, И. Коровнина, М. Нечитайло-Андреевко, В. Яннауэръ,** со старинныхъ итальянскихъ изданій и пр.

Къ статьѣ М. Шагинянъ: „Ани. Развалины крѣпости“, „Соборъ эпохи Багратидовъ“ (стр. 10), „Ани“ (стр. 11), „Санаинъ. Колокольня и церковь съ сѣверной стороны“ (стр. 12), „Церковь св. Георгия“ (стр. 13), „Мечеть“ (деталь) (стр. 14), „Джюльфа. Надгробный памятникъ“ (стр. 15), „Эчмиадзинъ“ (деталь храма) (стр. 16), „Ахнатъ. Церковь св. Креста“ (стр. 17), „Эчмиадзинъ. Общій видъ монастыря“ (стр. 18), „Мечеть“ (общій видъ) (стр. 19), „Церковь св. Апостоловъ“, „Джюльфа. Надгробный памятникъ“ (стр. 19), „Къ статьѣ „Армянское зодчество““ (стр. 20).

Военныя иллюстраціи: „Англійскій десантъ въ Дарданеллахъ“ (стр. 1), „Диксмиудъ. Бельгійскіе солдаты дѣлятся съ старушкой, не желающей покинуть родного дома“ (стр. 2).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемые въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятая рукопись хранится въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожается.

При семъ № разсылается подписчикамъ пятый выпускъ полнаго собранія сочиненій **ЛЪВА ТОЛСТОГО**, содержащій романъ „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (стр. 25—120, т. 8).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, Н. Бруни, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиптусъ, З. Гиптусъ, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайній, Д. Крачковскій, Борисъ Кремневъ, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, А. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянъ, Викторъ Шкловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, Г. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Б. Позень, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, Щекотихина, В. Яннауэръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій **Л. Н. ТОЛСТОГО** съ пересылкой—**8 р. 50 к.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ—**5 р. 50 к.**, къ 1-го марта—**2 р.**, къ 1-го июня—**2 р.**, къ 1-го августа—**1 р.**
Цѣна за 6 мѣс.—**4 р. 25 к.**, за 3 мѣс.—**2 р. 12 к.**

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій **Л. Н. ТОЛСТОГО**).

Съ пересылкой: за годъ—**4 р. 50 к.**, за 6 мѣс.—**2 р. 50 к.**, за 3 мѣс.—**1 р. 35 к.** Разсрочка допускается: при подпискѣ—**2 р. 50 к.**, къ 1-го июня—**2 р.**

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать **СТАРЫЙ АДРЕСЪ** и **ТРИДЦАТЬ (30)** коп. почтов. марками.

Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Гг. ПОДПИСЧИКИ, БЛАГОВОЛИТЕ СОХРАНЯТЬ АДРЕСА

маклеиваемые на обложку номеровъ журнала, и **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИЛАГАЙТЕ ихъ ко ВСѢМЪ ЗАЯВЛЕНІЯМЪ**, какъ напр. къ письмамъ о перемѣнѣ адреса, о неполученіи очередныхъ номеровъ, къ денежнымъ переводамъ и проч. Это условіе чрезвычайно ускоряетъ всякія справки и способствуетъ **быстрому удовлетворенію требованій.**

Полный русский иллюстрированный СЛОВАРЬ-ТРАВНИКЪ и ЦВѢТНИКЪ

Необходимая настольная книга для каждой провинціальной семьи. Содержитъ хозяйств., лѣсоводств., аптекарскія и проч., заключающія въ себѣ подробное описаніе всѣхъ **ЦѢЛЕБНЫХЪ**, полезныхъ и вредныхъ для человѣка и животныхъ растений, корней и цвѣтовъ съ указаніемъ медицинскія ихъ на человѣка и животныхъ, а также способовъ приготовленія изъ нихъ весьма полезныхъ и вполне безвредныхъ домашнихъ **лечебныхъ средствъ** и пр., съ приложеніемъ алфавитнаго списка болѣзней, въ которомъ имѣются ссылки на страницы Словаря-Травника, гдѣ указаны соответствующія растенія, способствующія облегченію и излеченію болѣзней, съ **645** рисунками, изъ которыхъ **300** напечатаны цѣтными красками. Въ двухъ большихъ томахъ (1152 стр.). Цѣна въ переплетѣ съ перес. только **3 руб.**

Требованія адресуются Акціонерному Обществу Издат. **А. А. КАСПАРИ**, Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

1-й этаж

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства Р. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 22

27 мая 1915 г.

Англійскій десантъ въ Дарданеллахъ.

Р. БЛАНКЪ.

РОССІЯ И АНГЛІЯ.

Состоявшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ политическое сдѣлание между Россіей и Англіей поразило всѣхъ своею неожиданностью. Такъ всѣ привыкли къ мысли о непримиримомъ, „традиціонномъ“ антагонизмѣ между двумя величайшими имперіями міра! Этотъ „непримиримый антагонизмъ“ давно былъ утѣнъ проницательными дипломатами и сталъ основой ихъ политической игры, и вдругъ вся хитроумная постройка хочетъ развалиться, какъ карточный домикъ. Но проницательные дипломаты изъ хорошей нѣмецкой школы такъ легко не сдаются. Если дѣйствительность не хо-

четъ подчиниться мудрой нѣмецкой теоріи, то тѣмъ хуже для дѣйствительности!.. До послѣдней минуты предъ объявленіемъ войны германская дипломатія твердо уповала на „традицію“, — на „традиціонный антагонизмъ“ между Англіей и Россіей и „традиціонную дружбу“ между Россіей и Германіей.

Сразу все рухнуло! Но вина за то лежитъ конечно не на германской дипломатіи, а на Англіи и Россіи... Свою вину германцы конечно должны искупить; они надолго отлучены отъ германской церкви! Уже черезъ нѣсколько дней

Диксмюдь. Бельгійскіе солдаты дѣлятся пищей со старушкой, не желающей покинуть родной домъ.

послѣ объявленія войны, знаменитая Берлинская „Королевская библиотека“ закрыла свои двери англичанамъ и русскимъ, точно такъ же, какъ ихъ союзникамъ французамъ и сербамъ. Примѣру „Королевской библиотеки“ послѣдовали другія библиотеки Германской имперіи, а затѣмъ и университеты. Германіи одна за другимъ стали изгонять изъ-подъ своихъ сводовъ сыновъ четырехъ союзныхъ странъ. Теперь конечно всѣ храмы германской науки и культуры закрыты для насъ. Но и послѣ войны они не скоро для насъ откроются; а когда и откроются, мы вѣроятно еще долго будемъ предпочитать другіе храмы.

Наша учащаяся молодежь найдетъ себѣ болѣе привлекательный пріютъ, если ей и придется еще послѣ войны искать себѣ убѣжища на чужбинѣ, въ школахъ Франціи и Англии; наши ученые будутъ продолжать свои труды въ прекрасной парижской Национальной библиотекѣ и безподобномъ лондонскомъ Британскомъ музеѣ. Свои потребности въ произведеніяхъ литературы и искусства Россія также предпочтетъ отнынѣ удовлетворять твореніями французскаго и англійскаго духа.

Культурное общеніе Россіи съ Франціей всегда, съ давнихъ поръ, было очень значительно; тутъ пути проторены и въ новыхъ организаціяхъ нужды нѣтъ. Другое дѣло — Англія, лежащая въ сторонѣ отъ большой дороги. Здѣсь инициатива и организація необходимы. Дѣло это — не легкое, но надъ нимъ стоить поработать. Англійскій міръ, столь своеобразный во всѣхъ отношеніяхъ, во многомъ составляетъ по своему характеру прямую противоположность славянскому міру. Но это

не только не помѣшаетъ сближенію, но, можетъ быть, еще усилитъ взаимное притяженіе. Англійская литература, англійская философія, англійская общественная и политическая жизнь уже и ранѣе имѣли для насъ большую притягательную силу. Тѣмъ болѣе теперь, когда великіе общие интересы такъ тѣсно и, надо надѣяться, прочно и надолго соединили Россію съ Англіей. И наука англійская, въ количественномъ отношеніи много уступающая крайне продуктивной германской наукѣ, въ качественномъ отношеніи стоитъ на одинаковой съ нею высотѣ, занимая почетное мѣсто въ научномъ мірѣ. Англійская же техника въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ нѣмецкую.

Мы можемъ многому научиться въ Англій, много отсюда позаимствовать такого, что пожалуй намъ болѣе пойдетъ впрокъ, чѣмъ то, что мы воспріяли въ Германіи. Точно такъ же и наши англійскіе друзья найдутъ чѣмъ позаимствоваться въ Россіи. Русская литература и русское искусство имѣютъ для англичанъ особое обаяніе — вѣроятно потому, что восполняютъ, или особенно сильно и ярко воспроизводятъ то, что въ англійскомъ творчествѣ либо совсѣмъ отсутствуетъ, либо слишкомъ слабо проявляется.

Благодаря такому обмѣну продуктами духовнаго творчества и всестороннему культурному общенію, сердечное согласіе Россіи съ Англіей, созданное общими политическими интересами и скрѣпленное общею борьбой, мало-по-малу войдетъ въ плоть и кровь обонхъ народовъ и послужитъ основой для плодотворныхъ взаимоотношеній.

Р. Бланкъ.

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВЪ.

ИСТОРИЯ ХРИСТОФОРЪ.

Объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ существуетъ немало разсказовъ. Едва ли не самый достовѣрный изъ нихъ принадлежитъ блаженному Іакову изъ Варяжа, автору знаменитой книги о мученикахъ, опубликованной во многихъ спискахъ. Я, съ своей стороны, не уклоняясь отъ записи блаженнаго Іакова, постараюсь разсказать о Христофорѣ все мнѣ известное.

То, что Христофоръ былъ гигантъ, объ этомъ всѣ знаютъ. А паружность у него была такая: высокій лобъ, курчавые волосы, большіе свѣтлые глаза, нѣсколько выпуклые и какъ бы тѣмъ-то изумленные (такъ разсказываютъ), ротъ съ толстыми губами и съ добродушною улыбкою на нихъ, такая бываетъ у дѣтей, если они здоровы и никто ихъ не обижаетъ.

Вотъ какой былъ Христофоръ. На землѣ не было человека, равнаго ему по силѣ. Однажды во время бурн ѣхалъ онъ на суднѣ. Съ большимъ трудомъ приблизилось оно къ гавани, но вѣтеръ гналъ корабль въ открытое море, и тѣсно гребцы старались его направить куда слѣдуетъ. Тогда Христофоръ бросился въ море и плыва повлекъ корабль на канатѣ. Такъ онъ спасъ судно.

Существуетъ очень много разсказовъ о силѣ Христофора, какъ я сказалъ, но дѣло не въ этомъ. Поэтому я не буду передавать всѣ эти легенды. Важно то, что у этого великана и силача было сердце необыкновенной чистоты, хотя онъ еще не зналъ тогда истинной вѣры и бродилъ, какъ слѣпон, во тѣмъ язычествѣ. Чувствуя, что сила его безмѣрна, Христофоръ недоумѣвалъ, какъ ему жить. Ему не хотѣлось, чтобы такая сила пропала даромъ, а между тѣмъ, будучи очень скромнымъ, онъ самъ не рѣшался примѣнить ее къ чему нибудь. Наконецъ онъ, послѣ долгихъ размышленій, придумалъ то, что казалось ему наилучшимъ въ его затруднительномъ положеніи.

— Надо послужить, — рѣшилъ онъ, — господину, сильнѣе котораго нѣтъ никого на землѣ. Только самый доблестный,

самый благородный и самый могущественный достоинъ воспользоваться услугами такого великана, какъ я.

Блаженный Іаковъ, разсказывая объ этомъ, не осуждаетъ Христофора за то, что онъ такъ рассуждалъ и принялъ такое рѣшеніе. Тѣмъ менѣе я рѣшусь судить его строго. Къ тому же читатель, дочитавъ мой разсказъ, долженъ будетъ признать, что этотъ язычникъ, естественно ослѣпленный языческими понятіями, принялъ однако въ концѣ концовъ къ весьма праведному подвигу. Очевидно Господь руководилъ имъ тайно.

Прослышавъ объ одномъ могущественномъ царѣ, который будто бы никого не боялся, Христофоръ тотчасъ же отправился въ путь, чтобы предложить ему себя въ качествѣ слуги. Насколько мнѣ известно, ни блаженный Іаковъ, ни другіе, свидѣтельствовавшіе о Христофорѣ, не называютъ этого царя по имени. Зато всѣ единогласно утверждаютъ, что царь этотъ охотно принялъ къ себѣ на службу Христофора. Онъ отвелъ ему помѣщеніе во дворцѣ и давалъ ему чрезвычайныя порученія, а Христофоръ всегда усѣбно исполнялъ ихъ и былъ радъ, что нашелъ себѣ достойнаго господина. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что царь этотъ былъ уже крещенъ и вѣрилъ въ Господа нашего Іисуса Христа.

Но вотъ что случилось однажды.

Странствующій жонглеръ пришелъ къ царю и предложилъ ему позабавить придворныхъ разными занятными дѣйствіями, а также пѣшемъ веселыхъ пѣсней. Царь согласился допустить такое представленіе у себя, во дворцѣ, и оно состоялось. Но жонглеръ, распѣвая пѣсни, упоминалъ въ нихъ неоднократно о демонѣ, не подозревая, что это можетъ омрачить и разгнѣвать царя.

Мудрый царь, не желая однако смущать собраніе, въ коемъ многіе еще не были просвѣщены свѣтомъ Христовымъ, не прерывалъ пѣвца, а старался только незамѣтно творить крестное знаменіе каждый разъ, когда жонглеръ произносилъ нечистое имя.

Но Христофоръ замѣтилъ, какъ царь дѣлаетъ какіе-то знаки, и спросилъ его, что означаютъ эти непонятныя для него движенія руки.

Царь сказалъ Христофору:

— Демонъ, или дьяволъ, можетъ причинить зло человѣку. Я творю знаменіе, чтобы защитить себя отъ нечистой силы.

Христофоръ сказалъ:

— Развѣ дьяволъ сильнѣе тебя?

— Разумѣется, сильнѣе,—отвѣтилъ царь, не подозрѣвая, что Христофоръ увидетъ отъ него послѣ такого признанія.

Но Христофоръ покинулъ царя, потому что считалъ для себя униженнымъ служить не самому сильному и могущественному.

Христофоръ рѣшилъ отыскать дьявола и ему послужить. Ему не пришлось долго его искать. Однажды, въ лунную ночь, когда Христофоръ шелъ по пустыни, онъ увидѣлъ отрядъ черныхъ всадниковъ, закованныхъ въ латы, и вождя ихъ, съ крылатымъ шлемомъ на головѣ. У всѣхъ всадниковъ были спущены забрала и у вождя тоже.

Черный вождь съ крылатымъ шлемомъ остановилъ Христофора и спросилъ его, куда онъ идетъ.

— Я ищу сильнѣйшаго,—сказалъ Христофоръ:—я служилъ самому могущественному царю, но этотъ царь, оказывается, боится дьявола. Такъ вотъ я теперь ищу самого дьявола, чтобы ему послужить.

— Дьяволъ—это я,—сказалъ черный всадникъ въ пернатомъ шлемѣ:—я не откажусь отъ твоей службы.

— Хорошо,—отвѣтилъ беззащитный Христофоръ:—я очень радъ, что я тебя такъ скоро нашелъ, дьяволъ. Я послужу тебѣ, но покажи мнѣ твое лицо. У тебя спущено забрало, а я бы хотѣлъ знать, какое лицо у моего хозяина.

— Это ужъ—нехорошее любопытство,—засмѣялся дьяволъ:—впрочемъ я могу сказать тебѣ прямо: у меня нѣтъ лица.

Христофоръ удивился, что у того, кто сильнѣе всѣхъ, нѣтъ вовсе лица, но все-таки продолжалъ путь размышляя. Въ это время они проѣзжали мимо креста, на которомъ распятъ былъ мятежный рабъ. И Христофоръ замѣтилъ, какъ черные всадники и безликий вождь ихъ далеко объѣхали крестъ, какъ будто страшась его.

— Почему, дьяволъ, ты удаляешься отъ креста?—спросилъ Христофоръ.

— На крестѣ былъ распятъ Галилеянинъ Иисусъ,—сказалъ дьяволъ:—онъ былъ сильнѣе меня. И мнѣ неприятно поэтому смотрѣть на крестъ. Но Иисусъ умеръ, а я вотъ, видишь, живъ. И ты можешь служить мнѣ, потому что огненнымъ я—самый сильный на землѣ.

Но у Христофора явилось сомнѣніе, не обманываетъ ли его дьяволъ и не живъ ли Галилеянинъ, который сильнѣе его.

Поэтому Христофоръ покинулъ чернаго всадника и сталъ искать Иисуса.

Однажды Христофоръ встрѣтилъ въ пустыни отшельника, которому признался въ намѣреніи своемъ послужить Иисусу. Отшельникъ сказалъ:

— Прежде чѣмъ послужить Ему, ты долженъ поститься.

— Что это значитъ?—спросилъ Христофоръ.

— Ты долженъ отказаться отъ вкусной пищи, чтобы приучить себя къ воздержанію,—нояснилъ праведный старецъ.

Но Христофоръ засмѣялся:

— Это слыше моихъ свлѣ. Я слишкомъ люблю чечевичную похлебку съ саломъ.

Старикъ покачалъ головою:

— Безъ сала можно пожалуй, а съ саломъ никакъ нельзя.

— Ну, ладно,—сказалъ Христофоръ:—а еще что?

— А еще долженъ ты совершить нѣкіи подвигъ, чтобы удостоиться встрѣчи съ Нимъ. Ты знаешь, въ десяти стадіяхъ отсюда есть бурный потокъ, и трудно переходить его вбродъ. Ты поселись на берегу и перенеси на своихъ плечахъ путниковъ. Ты—такой большой, что вода будетъ тебѣ не выше пояса.

У Христофора было простое и рѣшительное сердце. Поэтому онъ сказалъ:

— Я согласенъ.

Итакъ, Христофоръ поселился на берегу потока. Для другого это была бы нелегкая жизнь, но онъ не боялся трудовъ, лишений и непогоды. Онъ такъ былъ занятъ мыслями о возможной встрѣчѣ съ Иисусомъ, что ничто виѣшнее не смущало его сердца. Однажды онъ перенесъ на своихъ рукахъ сто прокаженныхъ, и ему даже въ голову не пришло, что онъ можетъ заразиться и погибнуть. Переносилъ онъ на своихъ сильныхъ рукахъ и дряхлыхъ стариковъ, которые сидѣли ворчали при этомъ, и малыхъ дѣтей, которыя терли его за бороду смѣясь, и женщинъ, которыя жеманничали, а иногда капризничали и тайно всегда удивлялись равнодушію Христофора къ ихъ прелестямъ.

Впрочемъ одна куртизанка изъ Александрии отвлекла на часъ мысли Христофора отъ желанной встрѣчи. Эта куртизанка—ее звали Ирину—была весьма красива. У нея были длинные волосы, похожіе на червонное золото, зеленые, какъ южное море, глаза и стройное тѣло, такое нѣжное, что Христофоръ со страхомъ взялъ ее на руки. Когда она обхватила его красную шею своими бѣлыми, какъ лалія, руками и прижалась своей юной грудью къ его широкой груди, мохнатой, какъ у сатира, Христофоръ почувствовалъ, что онъ ступаетъ не совсѣмъ твердо и что у него является желаніе поднять эту Ирину выше, до плечъ, и прижаться губами къ ея горячимъ ногамъ. Но головокруженіе недолго длилось. А когда куртизанка спросила его шутя, не найдитъ ли онъ, что она сейчасъ похожа на Европу, которая, какъ извѣстно, переплыла море на несовсѣмъ обыкновенномъ быкѣ, и когда она предложила ему осушить ея ноги въ его шалашѣ, на постели, Христофоръ угрюмо покачалъ головою и пригрозилъ, что броситъ ее въ потокъ, если она не перестанетъ болтать.

Такъ трудился Христофоръ.

Однажды въ глухую, темную и бурную ночь, когда Христофоръ спалъ у себя въ шалашѣ, ему почудилось, что какой-то отрокъ зоветъ его. Христофоръ тотчасъ же всталъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ на порогѣ мальчика, который просилъ перенести его на другой берегъ.

Христофоръ удивился, что въ такую непогоду мальчикъ собирается совершить трудный путь, но не сталъ его разспрашивать, откуда онъ и куда идетъ. Онъ взялъ мальчика и посадилъ къ себѣ на плечо.

„Должно быть, я худо спалъ или боленъ“,—подумалъ Христофоръ, когда почувствовалъ, что ему тяжело везти мальчика.

Однако онъ побрелъ черезъ потокъ. Въ это время бушевала такая дикая и злая буря, что волны хлестали прямо въ лицо Христофору. И небо было совсѣмъ черное, и вовсе не видно было берега. Но Христофоръ ничего не боялся и шелъ впередъ, хотя ему казалось, что на плечѣ у него не мальчикъ, а цѣлый храмъ съ сотнями мраморныхъ колоннъ: такую странную тяжесть онъ чувствовалъ, напрягая послѣднія силы.

Калебъ изъ „Сверчка“. (Г-нъ Чеховъ.) Рис. Г. Верейскаго.

На срединѣ потока онъ вдругъ изнемогъ и едва не уронилъ отрока, но мысль о томъ, что онъ долженъ довести до конца свой подвигъ, дабы увидѣть Иисуса, заставила его идти дальше.

Наконецъ онъ достигъ берега и, спустивъ на землю мальчика, сказалъ смѣясь:

— Ну, и тяжелый ты однако, мой милый. Я думалъ, что я несю на плечахъ весь міръ.

Тогда мальчикъ ему сказалъ:

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, Христофоръ, потому что ты несъ на рукахъ Того, Кто этотъ міръ сотворилъ. Я—твой Господь, Иисусъ Христосъ. Я—тотъ Распятый и Воскресшій, Котораго ты искалъ.

Тогда Христофоръ поклонился Ему до земли и сказалъ:

— Вѣрую, что Ты воистину воскресъ.

Георгій Чулковъ.

ВИКТОРЪ ХОВИНЪ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ПОДПОДЬЯ.

(По поводу замѣтки Д. Философова къ статьѣ „Предпосылки футуризма“ В. Шкловскаго и по другимъ не всегда очевиднымъ поводамъ.)

Футуризмъ умеръ! Футуризмъ кончился!..

Да такъ ли это? Дѣйствительно ли кончился? Или, быть можетъ, и не начинался?

Только, когда о футуризмѣ говорить приходится, то огорчиться необходимо, что подъ нимъ не какую нибудь литературную школу подразумѣваешь, а только—сегодняшнюю оппозицію господствующей литературѣ, а подъ футуристами—всѣхъ тѣхъ, кто сознательно или бессознательно, искренне или прикидываясь связывалъ себя съ новаторствомъ, бросалъ свое творчество въ „громокипящую“ котель сегодняшняго литературнаго бунта. Въ сущности такъ и было, что всѣ бунтари футуристами себя называли съ тѣми или другими приставками, или совсѣмъ безъ оныхъ. И потому-то весь вопросъ о русскомъ футуризмѣ и сводится къ вопросу объ этомъ бунтѣ. Заичитъ, дѣло совсѣмъ не въ „теоретическихъ предпосылкахъ футуризма“ и не въ догматикѣ его, и не въ творческихъ достиженияхъ даже, а только исключительно въ томъ—былъ ли бунтъ, или не было, былъ ли бунтовщическій энтузіазмъ, или была только видимость его, вспыхнулъ ли пламенный творческихъ дерзаний и испепелили ли безудержная жажда свободы и власть творческихъ скитаний унылое однообразіе пантеоновъ всяческихъ?..

Такъ вотъ, когда присмотришься къ бунту русскаго футуризма, становится до крайности очевиднымъ, что, если по видимостямъ бунтъ этотъ и былъ, то по существу дѣла его какъ бы вовсе и не было, т. е. не было тамъ, гдѣ большинство хотѣло его видѣть. Всѣ формы бунта, казалось, соблюдены были, всѣ атрибуты его налицо: и прошлое съ небывалой жестокостью словеснымъ пожаромъ въ пепель превратили, и обещаніями грядущихъ достиженій побряцали, всѣ черты преступили, каноны съ корнями новыворотили,—но только паюса дежающаго, энтузіазма бунтовщическаго во всемъ этомъ и не ночевало.

Однако напрасно все же г. Философовъ въ „Голосѣ Жизни“ торжествуетъ, что „футуризмъ побѣжденъ“. Какое ужъ тутъ торжество, когда побѣждать-то нечего было, а если бы „что нибудь“ и было, то гдѣ же тѣ, кто могъ бы побѣдить даже это „что нибудь“? Гдѣ эти силы? Ужъ большаго всеобщаго безсилія даже представить себѣ нельзя. И если есть побѣдители, то пусть назовутъ имена ихъ,—имена, о которыхъ можно было бы сказать, что они въ настоящемъ, а не въ прошломъ, пусть перечислятъ крупныя литературныя явленія послѣдняго времени...

„Футуристы не побѣдили, а просто слились съ толпой“,—продолжаетъ въ той же статьѣ г. Философовъ, но и въ этомъ ошибка, ибо футуристы, тѣ самые, „которыхъ испугались“,

а о нихъ-то здѣсь рѣчь и идетъ, никогда съ толпой не разставались. Меня не смущаетъ, что я, пишущій эти строки и футуристомъ себя называющій, совпадаю въ данномъ случаѣ со всякими „журналами журналовъ“ и иными блюстителями „чистоты и святости“ русскаго искусства, которые тоже—футуризмъ въ толпизмъ и которыхъ въ служеніи „мѣщанскимъ идеаламъ“ обвиняютъ. Объ одномъ пожалуй и говоримъ, по-разному думаемъ, о разномъ скорбимъ и ужъ во всякомъ случаѣ на разное надежды возлагаемъ.

Мое-то обвиненіе русскаго футуризма изъ одного исходить, откуда всѣ бѣды и пошли,—изъ основнаго, что эксцентричность внѣшняя должна была бы быть оправдана эксцентричностью духа, внѣшнее бунтарство—внутреннимъ бунтомъ и что знатированіе обывателя не есть пустое, на къ чему не обязывающее поддразниваніе его, а борьба съ нимъ не на жизнь, а на смерть, злоба противъ него, ненависть къ культурѣ обывательской.

Вотъ Маринетти наиримѣръ поднималъ не Вогъ въѣсть какой „возвышенный“ бунтъ; если присмотришься къ нему, то онъ въ сущности совсѣмъ не такъ ужъ и враждебенъ обывателю, ибо послѣдній отнюдь не прочь о механическомъ прогрессѣ пометать и весь погрязъ въ идеикахъ дѣловитости и приобрѣтательства. Но въ томъ-то и дѣло, что у обывателя это все—идейки, а у Маринетти—идея, доведенная до громаднаго напряженія, настолько героическая, что обыватель не узналъ въ ней своего, излюбленнаго, и испугался ея ужасно. Маринетти же—бунтарь, человѣкъ съ грандіознымъ размахомъ, онъ ни въ чемъ не уступитъ. Если ужъ мечта о машинномъ царствѣ и дѣловитости, такъ не угодно ли вамъ,—говоритъ онъ,—на свои пассажистическіе сантименты наплевать, не угодно ли своей собственной домашній очагъ поджечь, фундаменты музеевъ взорвать и вообще въ грандіозномъ пожарницѣ всю старую рухлядь испепелить. Обыватель же, быть можетъ, старую рухлядь за нѣкоторую обузу для себя и своихъ „футуристическихъ“ чаяній и считаетъ, но обузой этой гордится, за крестъ, за ореолъ возвышенности принимаетъ. Потому-то Маринетти въ бунтовщическѣ своемъ не сомнѣвается и, раздавая направо и налево пощечины, часто даже не моральные, такъ сказать, а самыя настоящія, въ порывѣ энтузіазма своего захлебывается, именно захлебывается: мы побѣдѣ, насъ побили, было настоящее побонце...

Нашъ же футуризмъ въ побоищахъ неповиненъ; вызовы его бездѣйственными, не актуальными, и оставались потому, что внѣшняя видимость бунтарская изнутри пустой оставалась, а, значить, и не угрозою ни для чего и ни для кого

Мэри из «Соединка». (Г-жа Дурасова). Рис. Г. Верейского.

Маршетти, такъ тотъ съ восторгомъ подсчитываетъ, сколько оплеухъ досталось ему и единомышленникамъ его, и чѣмъ больше насчитаетъ, тѣмъ больше радуется. Наши же футуристы пощечинъ раздавать не будутъ, главное же — получить ихъ не склонны, а больше къ апплодисментамъ прислушиваются и о нихъ ужасно какъ безнокоются...

И развѣ не своевременно было бы теперь къ российскимъ футуристамъ со слѣдующими словами обратиться:

Милостивые государи! Если для васъ ваша бунтарская видимость, — ну, хотя бы желтая кофта напримѣръ, всѣмъ, да и вамъ самимъ оскомину набившая, — не только кусокъ желтой тряпки, а нѣчто болѣе, если она вамъ, какъ вызовъ, какъ проявление вашей непримиримости, демонстрируется, такъ не угодно ли вамъ эту кофту не только въ торжественные дни выступленій вашихъ носить? Ужъ тогда, повѣрьте, никто не скажетъ, что вы съ толпою слились. И если вы свободою своей кичитесь, если дѣйствительно на весь окружающій миръ, прозягающій въ дряхломъ уныніи, руку подняли, такъ не угодно ли вамъ отъ этого міра безъ оглядки бѣжать и свое царственное зданіе творческой жизни не подъ пепломъ и не изъ пепла пассапетского создавать? Что это вы, какъ крысы, къ старымъ домамъ пристрастіе имѣете?

Недаромъ же всякіе господа, къ футуризму, какъ къ меду, липнущіе, на эстрадахъ футуристами прикидываясь, своей незлобностью и всеобщей примиренностью похваляются и, съ призраками въ борьбу вступая, ни единой оппозиционной мысли не имѣютъ, ни капли злобы ни къ чему не проявляютъ.

Съ другой же стороны, и отъ атрибутовъ своихъ, долженствующихъ эпатировать буржуа, отъ многихъ изъ нихъ отказаться нужно, ибо слишкомъ ужъ много атрибутовъ, а главное — невыразительныхъ; помимо всѣхъ пзвѣстныхъ, тутъ и ложки въ петлицахъ, и цилиндры, висящіе на стѣнѣ, какъ на выставкѣ въ Москвѣ, и „самопортретамъ“ называющіеся. Отъ излишествъ этихъ дѣйствительно отказаться нужно, а въ томъ, что „неизлишимымъ“ останется, нужно быть порфишительнѣе и посмѣлѣе. Вишняя личина такъ съ внутреннимъ неразрывно должна срастись, чтобы и духъ бунтовщическій въ лакированную, жантильную видимость не заключался, безъ тѣни своей по свѣту не блуждалъ, но чтобы и тѣнь съ устрашающими атрибутами, потерявъ зпутреннюю сущность свою, имп понапрасну не побрякивала...

Довольно, господа, на людяхъ сидѣть и обывательскимъ вниманіемъ питаться, довольно съ эстрады одной рукой обывателю неуверенно кулакъ показывать, а другой — пассапетизму руку жать.

Довольно, говорю я, пѣтушныя бои на погѣзу людямъ устраивать и, какъ литературные гамэны, незлобными шалостями обывательскую жизнь разнообразить.

Не угодно ли вамъ, милостивые государи, въ подполье отправиться?

То есть въ какое же это подполье, спросите вы и навѣр-

ное Достоевскаго вспомните, и героя его изъ подполья, печению страдающаго. Но не объ этомъ подпольѣ здѣсь рѣчь идетъ, ибо у Достоевскаго оно — самое настоящее, это ничего, что, быть можетъ, и на мансардѣ помѣщается, но мертвечиной и гниеніемъ отъ него такъ и разитъ. Обитатель же этого подполья, если даже печению и не страдаетъ, то что опъ — горбунъ или карликъ, такъ въ этомъ сомнѣніи никакого нѣтъ.

Кто же отъ жизни самовольно уходитъ? Да кто же какъ не карликъ или горбунъ, кто же какъ не тотъ, кто, по словамъ Достоевскаго, въ жизни даже и насѣкомымъ не сумѣлъ сдѣлаться?

Герой Достоевскаго отъ стѣнъ каменныхъ, которыя обывательской дѣловитостью возводятся и хрустальными зданіями называются, бѣжать собирался. „По своей глупой волѣ пожить захотѣлъ“ и въ свои самостоятельныя хотѣнья, которыя ни въ какія классификаціи уложиться не могутъ, казался, увѣровавъ. Но вѣра — то его хуже безвѣрія была, ибо въ подпольѣ своемъ онъ только „полувѣру“ обрѣлъ и отчаяніемъ въ немъ настоящаго не было, а только „полуютчяніе“. Для того чтобы въ подполье бѣжать, въ гордомъ одиночествѣ укрѣпиться, силу нужно имѣть, а герои Достоевскаго безсиліемъ пзываютъ, потому-то, вмѣсто одиночества и возвышенной отрѣшенности, въ черной дырѣ и живеть, да оттуда на хоромы обывательской жизни съ завистью поглядываютъ.

Такъ вотъ, не въ это подполье зову я тѣхъ, кто о бунтѣ мечтаетъ, а въ совсѣмъ другое, умозрительное подполье, такъ сказать, отнюдь не враждебное распутству земного веселья и предназначенное совсѣмъ не для тѣхъ, кто даже букашкой въ жизни сдѣлаться не смогъ.

Искусство, то самое, которое широкой волной по перспективамъ земного шара разливается, всегда болотомъ было. Давно еще З. Гиппиусъ объ этомъ болотѣ писала, что въ немъ смѣшиваются невинное слово съ безобразнымъ дѣломъ, святая имена — съ рыбьими костями, богоборчество — съ кощунствомъ, экстазъ — съ расчетомъ, искусство — съ проституціей.

Вотъ отъ этого болота въ подполье и бѣгите; потомъ, быть можетъ, жизнь, всегда по своей логикѣ дѣйствующая, и васъ, и ваше творчество въ болото выкинетъ и тамъ съ рыбьими костями смѣшаетъ, но самп-то вы туда не лѣзьте и святыхъ своихъ словъ костями не начиняйте.

Все же, значить, футуризмъ кончился?

Нѣтъ, видимость его и по сіе время истерически по столбчымъ троттуарамъ мечется. Въ моментъ откровенности она пожалуй, какъ и подпольный человекъ Достоевскаго, сознается: „У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какую нибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я пожалуй и успокоюсь“.

Но, не пора ли намъ, господа, видимость свою обуздать, въ „глупое и самостоятельное хотѣніе“, съ каменными стѣнами не примиряющееся, увѣровавъ, бунтъ свой паоосомъ бунтовщической мысли зажечь и непримиримость свою ненавистью къ пассапетической культурѣ оправдать.

Викторъ Ховинъ.

* * *

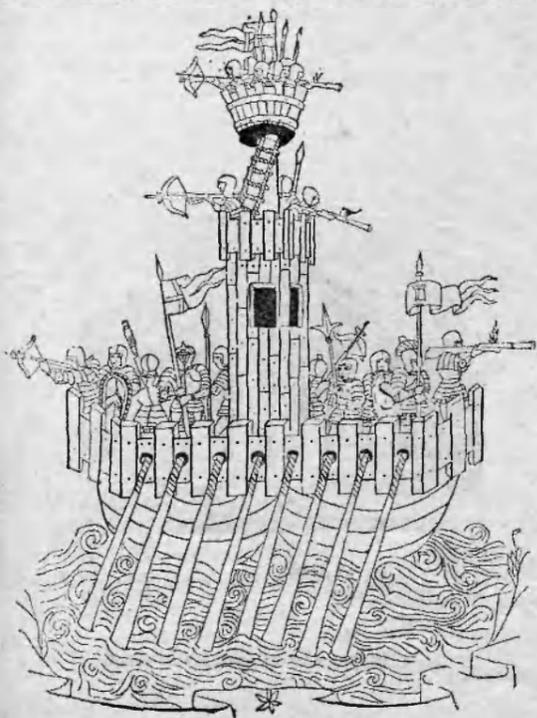
Есть тамъ много джизней достойныхъ,
 Но одна лишь достойна смерть,
 Лишь подъ пулями въ рвахъ спокойныхъ
 Любишь знамя Господне, твердь.
 И за это знаешь такъ ясно,
 Что въ единственный, строгій часъ,
 Въ часъ, когда, словно облакъ красный,
 Милый день уплыветъ изъ глазъ,
 Сводъ небесный будетъ раздвинутъ
 Предъ душою, и душу ту
 Бѣлоснѣжные кони ринутъ
 Въ ослѣпительную высоту.

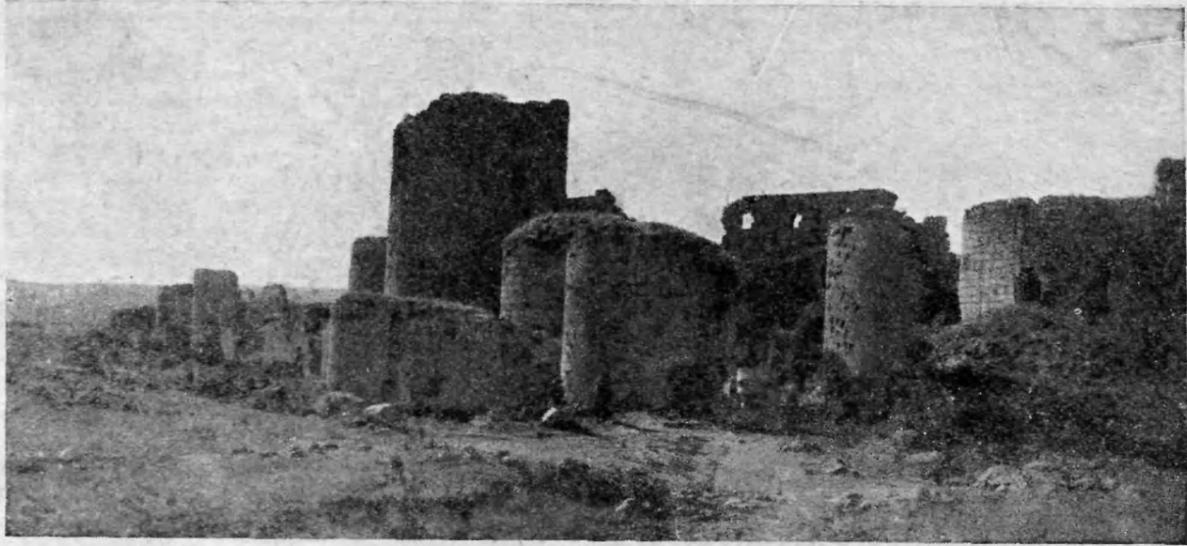
Тамъ начальникъ въ бранномъ доспѣхѣ
 Изъ прохладныхъ звѣздныхъ лучей
 И къ старинной бранной потѣхѣ
 Огнекрылыхъ зовъ трубачей!
 Но и здѣсь, на землѣ, не хуже
 Эта смерть—ясна и проста:
 Здѣсь товарищъ о навшемъ тужить
 И плыветъ его въ уста,
 Здѣсь священникъ въ рясѣ дырявой
 Умиленно поетъ псаломъ,
 Здѣсь сыграютъ маршъ величавый
 Надъ едва примѣтнымъ холмомъ.

Рай.

Апостоль Петръ, бери твои ключи,—
 Достойный рая въ дверь его стучить!
 Коллоквиумъ съ отцами церкви тамъ
 Докажетъ, что я въ догматахъ былъ прямъ,
 Георгій пусть повѣдаетъ о томъ,
 Какъ въ дни войны сражался я съ врагомъ,
 Святой Антоніи можетъ подтвердить,
 Что плоти я никакъ не могъ смирить,
 Но и святой Цециліи уста
 Прошепчутъ, что душа моя чиста.
 Мнѣ часто снились райскіе сады,
 Среди вѣтвей румяные плоды,
 Лучи и ангельскіе голоса,
 Виѣ мировой природы чудеса,—
 И знаешь ты, что утренняя сна
 Какъ предзнаменованья намъ даны.
 Апостоль Петръ, вѣдь если я уйду
 Отвергнутымъ, что дѣлать мнѣ въ аду?
 Моя любовь растопитъ адскій ледъ
 И адскій огонь слеза моя зальетъ,—
 Передъ тобою темный серафимъ
 Появится ходатаемъ моимъ.
 Не медли болѣе, бери ключи,—
 Достойный рая въ дверь его стучить!

И Гумилевъ.

Ани. Развалины крепости.

М. ШАГИНЯНЪ.

АРМЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО.

Раскопки въ г. Ани, древней армянской столицѣ времени Багратидовъ, начаты сравнительно недавно и, благодаря таланту руководителя, профессора Марра, привели къ самымъ неожиданнымъ результатамъ.

Предъ нами, на фонѣ гигантскаго замысла самого Создателя сибѣжныхъ зубцовъ Арарата, — въ равнинѣ, усѣянной крупными травами съ преобладаніемъ желто-краснаго цвѣта (шалфей, лошадиный шавель), на землѣ, буровой отъ солнца и глины, — выросъ стройный, легкій и божественно-ясный архитектурный міръ. Изобиліе пространства, насыщеннаго солнцемъ, придаетъ этимъ легкимъ храмамъ почти головокружительную воздушность. Но, несмотря на отчетливость частей и яркую характерность пропорцій, природа армянскаго зодчества представляетъ для историка искусства труднѣйшую проблему.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ петоки этого непостижимаго строительства, совершенство котораго оспариваетъ нынѣ лавры Цекропса, мнѣческаго строителя Аонія. Мы знаемъ, что начатки архитектуры сопряжены у древнихъ народовъ съ жаждой увѣковѣченія. Эта жажда на Востокѣ удовлетворялась идеалами неподвижности, оцѣпенѣнія; увѣковѣчить мысль — значило какъ можно плотнѣе и прочнѣе остановить ее въ элементахъ. Тотъ, кто знакомъ съ египетской и ассирио-вавилонской скульптурой, легко припомнитъ тяжелое ощущеніе косности, которое присуще ея образцамъ; косность гладитъ изъ стывущихъ, раздутыхъ губъ, изъ неподвижныхъ глазъ, изъ колоссальной, монументальной развитости нижнихъ частей тѣла, точно воплощающихъ борьбу со смертью въ законѣ тяготѣнія къ землѣ. Но та же неподвижность повторяется и въ азіатской архитектурѣ (напр. фасадъ храма Мшатты во Friedrich-Museum). Всюду, гдѣ Востокъ занимается

проблемой движенія, онъ выявляетъ его съ кошмарной нудностью, похожей на то, что мы чувствуемъ во снѣ, когда хотимъ двинуться, а члены связаны. Форма въ Азіи понимается, какъ препятствіе, какъ задержаніе, а не какъ освобожденіе; поэтому съ формой на Востокѣ все время борются, стараясь въ ней, опредѣляющей, выразить безпредѣльное, массовое, избыточное, излишнее. Понятно, что развитіе архитектурныхъ формъ и попытки высвободить „движеніе“ у азіатовъ не по линіи тектониче-

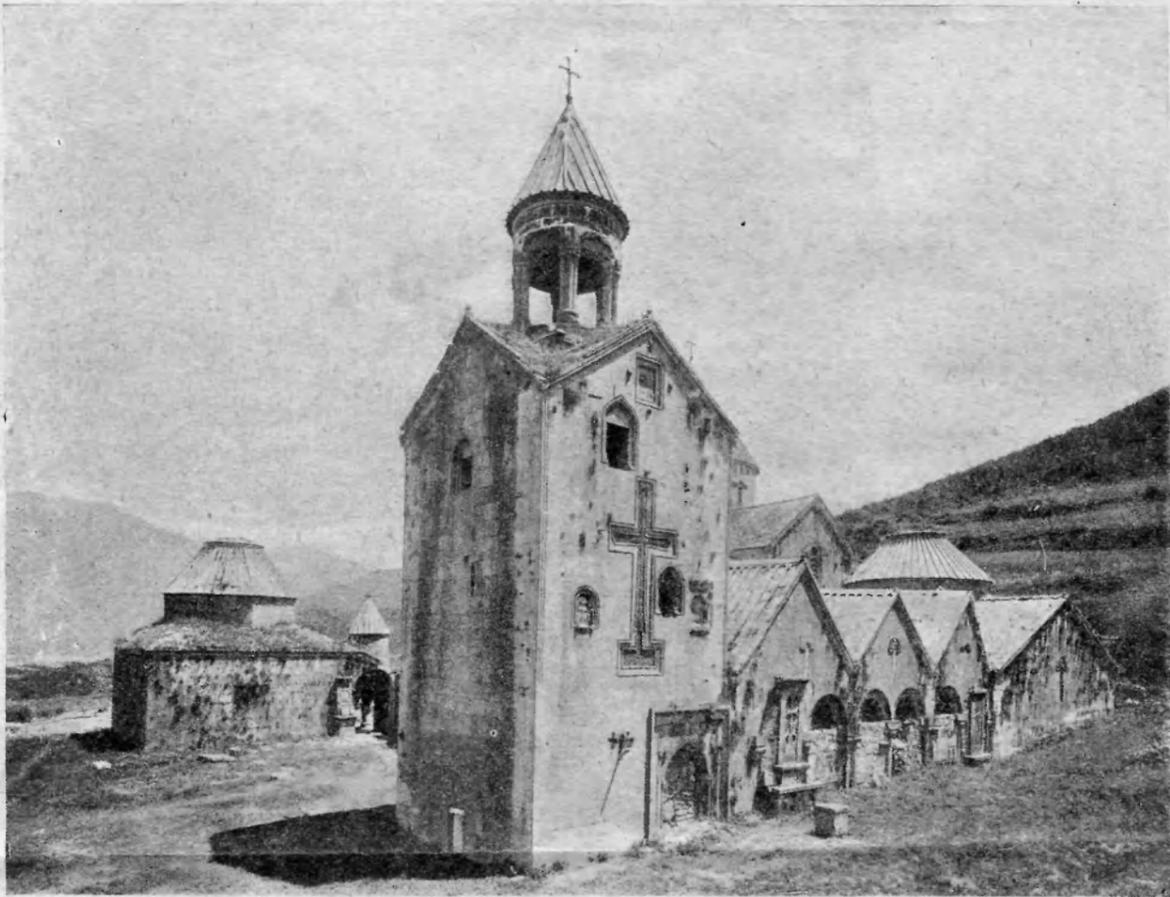
Соборъ эпохи Багратидовъ.

Ани.

ской, как это мы видим у грековъ, но лишь въ область наружную, матеріальную; такъ, арабско-мавританская архитектура довела до виртуозности орнаментъ и облицовку; татарскій исламъ пытается „поднять“ свои зданія такими напр. нехитрыми, блуждающими символами, какъ частое повтореніе звѣздочекъ на стѣнахъ и фасадахъ; арабы насыщали свои формы голубымъ пѣнгомъ, персы прильнули густое золото и т. д.

Если мы переведемъ теперь взглядъ на армянское зодчество, то увидимъ его неопровержимую самостоятельность и свободу отъ типовой косности Востока. Географическія со-сѣдства почти на немъ не отразились; средневѣковую связь съ Византіей и дружбу съ Римомъ вначалѣ нашей эры учитывать особенно не приходится,—римляне въ строительствѣ остались гениальными государственниками, а Армения

Санатш. Колокольня и церковь съ сѣверной стороны.

даже въ эпоху своего феодализма (эпоху нахарарства) не увлекалась ни стѣно-ни крѣпосте-строением *); съ византизмомъ и того проще,—армяне не только не заимствовали у грековъ ихъ выродившейся и смѣшанной архитектуры, но даже оказали ей услугу: извѣстно, что Айя-Софія реставрировала армянскій зодчій. Предъ загадкой этой архитектурной независимости невольно чувствуешь, какъ недооцѣненъ понинѣ моментъ расы въ культурномъ становленіи народа; вотъ примѣръ, какъ мало удовлетворяетъ этнографія; начало расы и глубже, и таинственнѣй, и первичнѣй всякой земной „графики“, т. е. разсортровки людей по мѣсту.

Первое, съ чѣмъ встрѣчаешься въ армянской архитектурѣ, это—пониманіе формы именно какъ „освобожденіе“. Формальное начало освобождаетъ и выявляетъ движущіяся тенденціи, скрытыя въ слѣпой матеріи; камень обтачивается такъ, что онъ сразу даетъ впечатлѣніе укладывающагося; по этому принципу совершается далѣе и вся постройка: она должна принять форму, въ которой выразилось бы ея основное намѣреніе. Необычайная законотѣрность и пластичность—вторая черта армянской архитектуры. Англичанинъ Линчъ въ своей двухтомной „Арменіи“ съ любовью останавливается на чистотѣ работы древнихъ армянскихъ каменщиковъ и называетъ армянъ величайшими мастерами „кладки

*) Сохранившіяся въ турецкой Арменіи стѣны и крѣпости, такъ же какъ и городскія стѣны въ Ани, мало характерны.

каменей“. По прилагаемымъ рисункамъ (см. стр. 11, 12, 13, 14) читатель можетъ имѣть отдаленное представленіе объ этомъ мастерствѣ: камни кладутся другъ на друга безъ промежуточного состава (иной разъ—острыми хребтами вверхъ) и создаютъ связанную плотно-прилившую каменную массу, атомы которой все-таки зрима глазу во всей ихъ геометрической стройности.

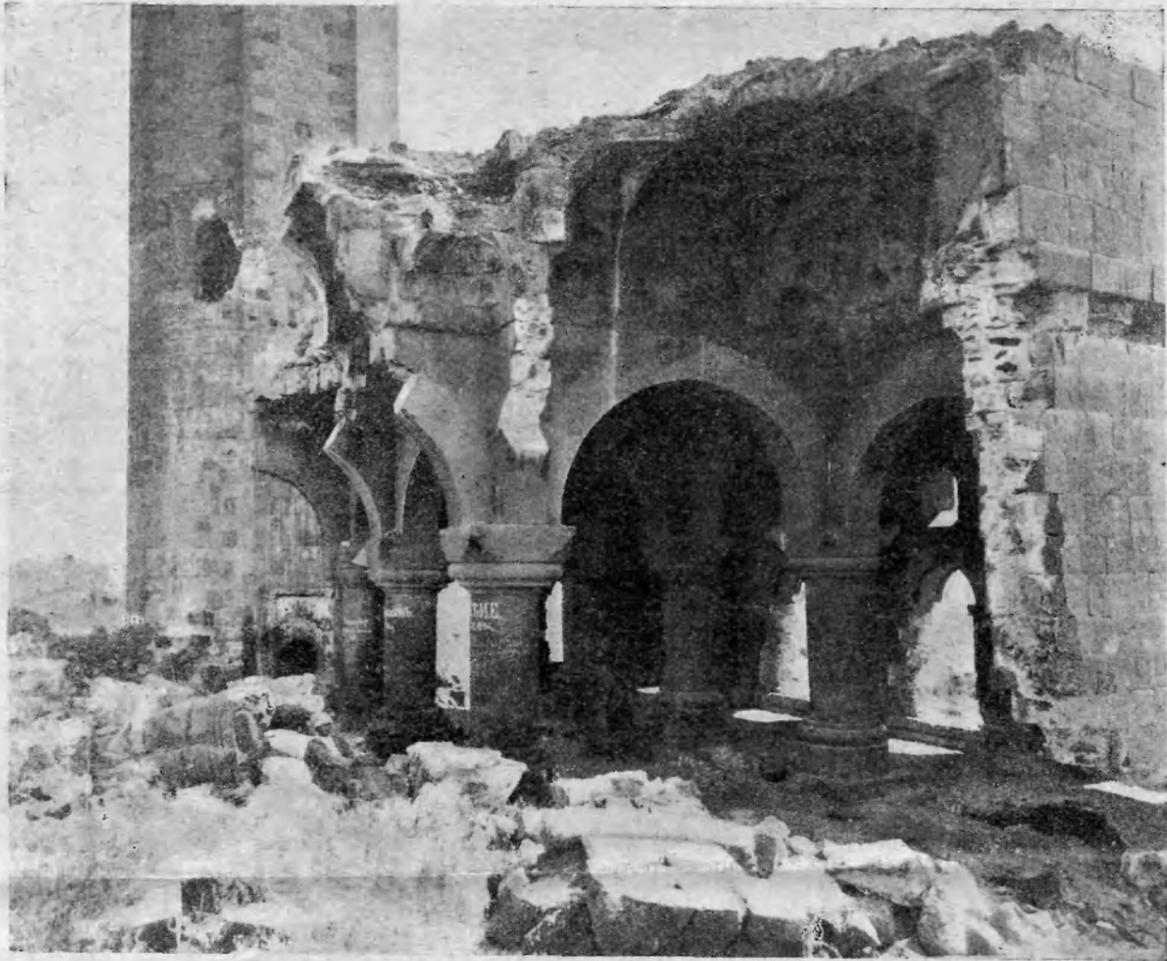
Отсутствіе оконечности или чрезмѣрнаго развитія одной части въ ущербъ другой—третій характерный признакъ. Храмовые предѣлы не получаютъ развитія во-выѣ; чуть-чуть удлиненное тѣло храма большей частью прямоугольно; колокольня отъ него не дифференцируется; куполь (коническій) возноситъ вертикальныя линіи къверху, но не съ болѣзненной гипертрофіей готики, а съ благообразіемъ и тишиной завершеннаго процесса; отсюда необычайная органичность и цѣльность армянскаго храма и его цѣломудренная сжатость. Прошу читателя посмотрѣть рисунокъ на стр. 10 (соборъ эпохи Багратидовъ) и рисунки на стр. 13 и 19 (двѣ церкви той же эпохи). Спокойная красота пропорціи не нуждается тутъ ни въ затѣйливости, ни въ украшеніи. Она стремится даже обычные формальные элементы зодчества, каковы напр. колонны, порталы, угольнички, свести къ ряду символовъ. Отсюда и происходитъ неизмѣнное ожерелье ложныхъ арокъ,—главное и почти единственное украшеніе, допускаемое армянскими зодчими и придающее храму плѣнительную, улыбающуюся легкость. Обѣ часовенки чудесно разрѣшаютъ

Ани. Церковь св. Георгія.

Ани. Церковь св. Рехсимы.

Ани. Мечеть (деталь)

проблему соотношения этажей; глядя на них, вспоминаешь храмик Браманте, стоящий во дворе S. Pietro in Montorio в Риме. Волше плотная и приземистая часовенка (стр. 19), благодаря удлинненным пропорциям верхних арок, получает ту же легкость, что и ее изящная товарка.

В тех редких случаях, когда армяне употребляют колонны, они поддаются мавританскому влиянию. Колонны лишены стройности, несут тяжесть, низки и дугообразны. Не имеет ли это свое объяснение в том, что деревья (первых прообразов колонны) в пустынных полях Армении так мало? У армян нет черных кипарисов и длинных пиний; им негде было усвоить вертикальную стройность колонны. Фабричный орнамент у армян не в почет (опять черта, чуждая Востоку!), его почти не употребляют. Зато отвлеченный достигает такой индивидуальной тонкости, такстораживает внимание, что позволяет зрителю заглянуть в тайны его отношения к письменному

приему народа; им по крайней мере наличие такого отношения кажется безспорной.

Армянское зодчество (как и армянская церковь)—длинный и совершенно самостоятельный вклад в армянскую культуру. Мы только сейчас открываем этот вклад, по творческая роль его не прошла для Европы безследно. Современные историки искусства отмечают например несомненное влияние армянской архитектуры на германскую готику. Тексе в своем огромном труде, посвященном Армении, высказывает мысль, не сыграло ли роль в этом „влиянии“ массовое переселение армян, после взятия Ани мусульманами, в Европу. Во всяком случае элементы армянского зодчества разбросаны по Рейну, налицо в Кельне и Вормсе. А средневековые хроники говорят, что армяне считаются лучшими зодчими и чаще других чужеземцев приглашаются для возведения зданий.

М. Шагинянъ.

Н. ДОЛГОВЪ.

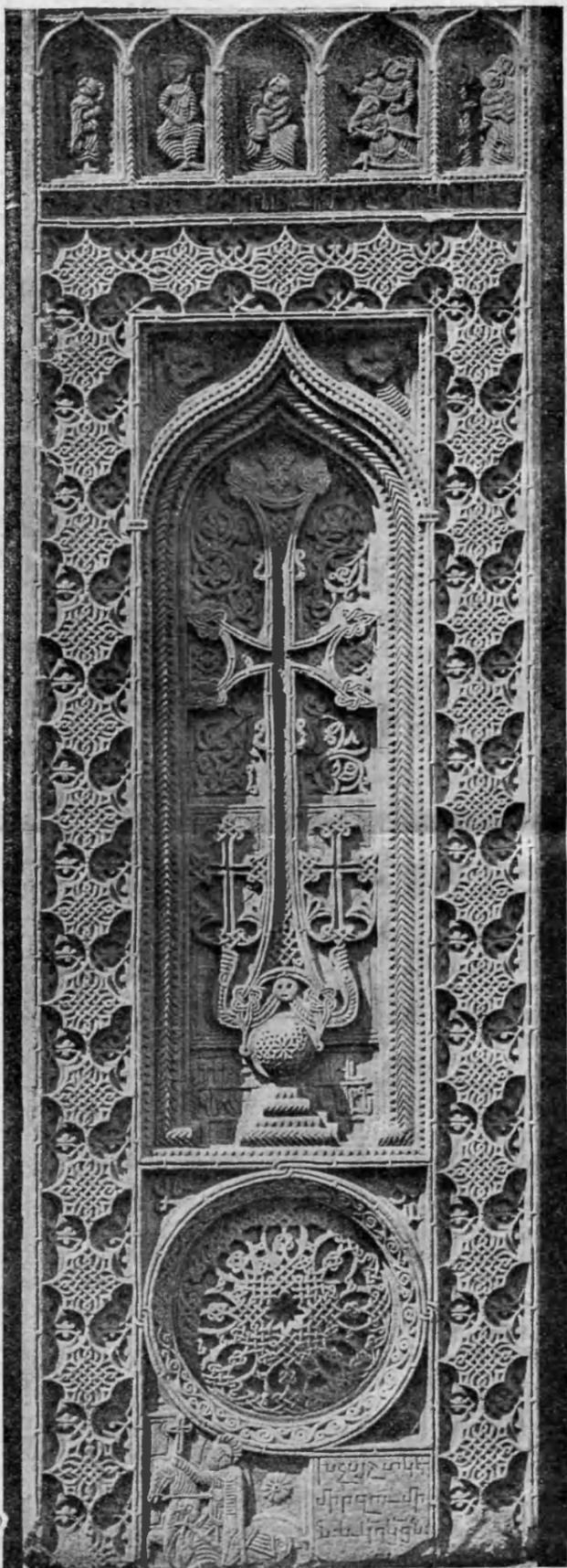
НѢМЕЦКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ РУССКОМЪ ТЕАТРѢ.

Вызванная войной переоценка всего нѣмецкаго нашла отраженіе и въ театальной литературѣ. Въ то время какъ въ полемикѣ объ общемъ духѣ нѣмецкой культуры попытки развѣчивать все, вплоть до Канта, встрѣтили довольно единодушный отпоръ, на страницахъ театальной прессы невольно продолжаютъ для всѣхъ эпохъ и направленій замѣнять слово нѣмецъ терминомъ *diabolus*.

Достойно ли это современнаго момента? Вѣдь именно потому, что теперешнее возмущеніе нѣмцами—не порывъ негодующаго сердца, а та глубокая переоценка, выводы которой укрѣпляются въ сознаніи разъ и навсегда, надо съ великой строгостью взвѣшивать каждое слово. Будемъ бояться преувеличеній столько же, какъ и недомолвокъ, и, осуждая все въ современной нѣмецкой культурѣ съ ея единымъ идеаломъ бронированнаго кулака, не забудемъ прекрасныхъ словъ Д. С. Мережковского о томъ, что послѣ разгрома отрезвѣвшая отъ угара Германия сама вспомнить о великихъ идеалахъ такъ глубоко забытаго и такъ чуждаго ей теперь прошлаго.

А идеалы эти были, и двойственность былого и настоящаго сказывается и въ нѣмецкомъ театрѣ. Но для этого надо взять вопросъ глубже и разобраться не только въ явленіяхъ сцены, но и въ той общей идейной атмосферѣ, въ которой рождаются произведенія искусства.

Задолго до войны, говоря объ извѣстной книгѣ Фукса „Революція театра“, я признавался въ томъ, что трудъ директора Мюнхенскаго театра неизмѣнно оставлялъ во мнѣ двойственное впечатлѣніе. Фуксъ—апостолъ красоты, чрезъ красоту подходитъ онъ и къ дѣйствию, какъ самому важному элементу драмы, и эта идея оказывается настолько плодотворной, что въ огромномъ большинствѣ современныхъ работъ о театрѣ мы видимъ лишь дальнѣйшее развитіе взглядовъ Фукса. Осужденіе сценическаго натурализма, походъ противъ „литературы“, какъ не-динамичныхъ отклоненій діалога въ сторону модныхъ вопросовъ, рѣчи о пластикѣ, ритмѣ и наконецъ пламенная защита темперамента,—все вытекаетъ первоисточникомъ труды автора „Революціи театра“. Но это богатство художественныхъ идей не должно заслонять болѣе общаго вопроса, и мы вправѣ спросить, къ чему же зоветъ Фуксъ въ концѣ концовъ? Къ тому ли, чтобы путемъ неисчерпаемыхъ истинно-театральныхъ очарованій вновь вернуть сцену къ прелести театра великихъ мастеровъ, или только къ тому, чтобы угодить какому-то новому зрителю, который прежде всего хочетъ быстроты, шума и яркихъ красокъ? Увы, въ „Революціи театра“ причудливо сплетаются обѣ эти идеи. Шекспиръ, Гете, Корнель и Мольеръ—все это имена, которыя поминуются какъ будто бы и не все. Но, съ другой стороны, есть что-то безгранично пошлое въ мбованіяхъ автора современнымъ зрителемъ. „Вотъ красивая женщина, вотъ гордый господинъ. Тамъ искрящаяся драго-

Джюльба. Надгробный памятникъ.

цѣнности, здѣсь пышная шевелюра“,—живописуетъ Фуксъ театральную толпу. И невольно чувствуется, что онъ хочет не уловить то прекрасное, что живетъ—о, конечно живетъ!—въ каждой, хотя бы и опьяненной шумомъ жизни, душѣ, а подладиться къ настроеніямъ и требованіямъ улицы. Его „органичная потребность повышенной жизни“ сильно смахиваетъ на экстазъ и оживленіе бульвара, и во всякомъ случаѣ русское ухо всегда будетъ коробить та легкость, съ которой Фуксъ ополчается на культуру интеллектуальную, уступившую мѣсто той „пластической культурѣ“, при которой поэтъ отъсынаетъ ловкій дѣлецъ, организаторъ крупныхъ промышленныхъ предприятий.

Шумиха улицы, грубой нѣмецкой улицы, которой никогда не возвысится до веселой грани парижской толпы, вотъ что доносится изъ современной Германии. А между тѣмъ когда-то, въ далекую пору тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, отсюда доносились лишь спокойные голоса, говорившіе о высшихъ цѣностяхъ духа.

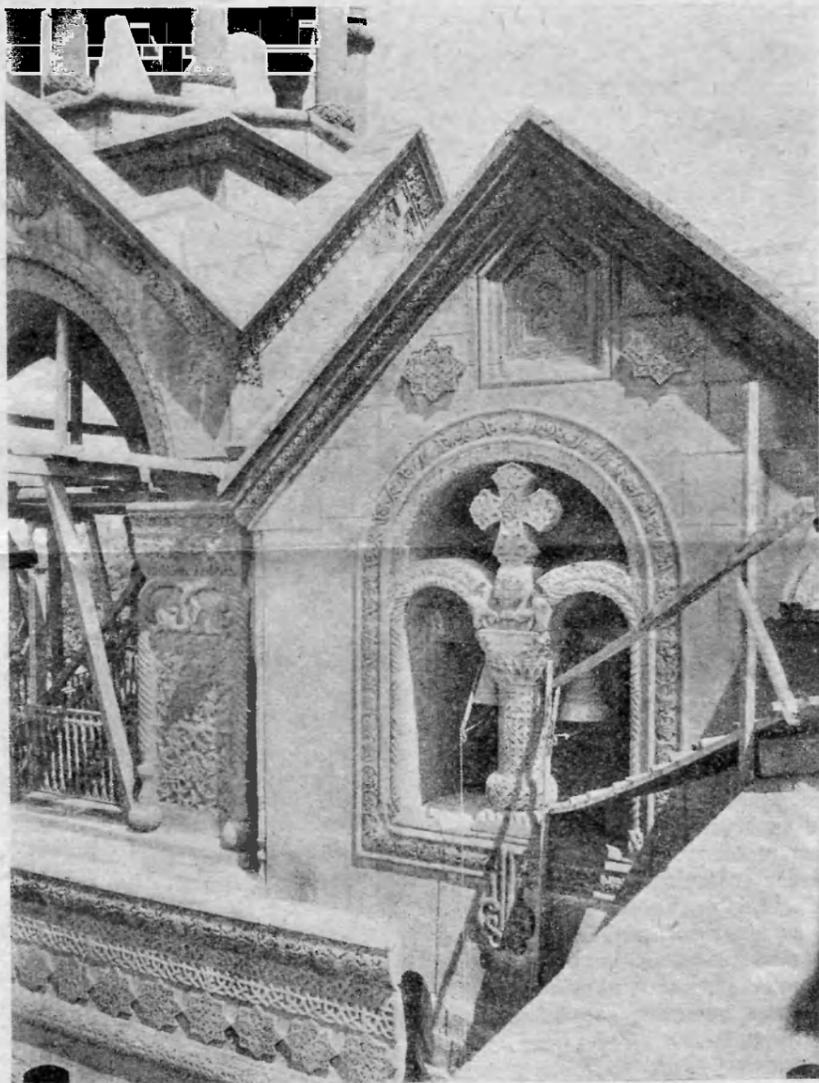
Вспомнимъ Вѣлинскаго, чья критика такъ ярко освѣщаетъ лучшую эпоху русской сцены.

„Каждый народъ выражаетъ свою одну какую нибудь сторону жизни человѣчества“,— писалъ онъ еще въ „Литературныхъ Мысленіяхъ“, и уже одно это положеніе историко-философской мысли, цѣлкомъ почерпнутое

имъ у Шеллинга, предугазывало, какую роль приписываетъ онъ нѣмецкому духу. „Нѣмцы завладѣли безпредѣльно областью умозрѣнія и анализа“, „нѣмцы обогащаютъ человѣчество идеями“,— вотъ что пемедля слѣдуетъ за основнымъ догматомъ о раздѣлѣ стхій духа между народами. Это воззрѣніе было усвоено критикомъ такъ прочно, что влияніе нѣмецкихъ идей сразу сказалося въ сферѣ общей догматики и въ области критическихъ сужденій. Слова о прекрасномъ Божьемъ мірѣ, какъ дыханіи единой вѣчной идеи и зрѣлицѣ абсолютнаго един-

ства въ безконечномъ разнообразіи, были исповѣданіемъ основного шеллингианскаго догмата; дальнѣйшій взглядъ на поэтическое одушевленіе, какъ отблескъ творящей силы природы, примѣнялъ ту же идею къ поэзіи. И вѣра въ спасительность этихъ началъ, въ необходимость не только инстинктивно имъ слѣдовать, но признавать ихъ и теоретически, была такъ велика, что критикъ готовъ былъ упрекнуть самого Пушкина въ недостатокъ нѣмецко-художественнаго воспитанія.

Тѣ же начала съ полной силой отразились и въ театральной эстетикѣ. Не о землѣ, или во всякомъ случаѣ не о землѣ только съ ея нуждами и переходящими заботами, будетъ говорить Вѣлинскій въ своихъ первыхъ строкахъ о театрѣ. Могущество драмы, вступающей на сценѣ въ союзъ со всѣми искусствами, пзъкоихъ каждое, отдѣльно взятое, способно вырвать насъ изъ тѣснаго міра суеты, — не въ скорбныхъ будничныхъ пѣсняхъ. „Театръ — это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній“,— вотъ основное опредѣленіе Вѣлинскаго, которое онъ поясняетъ даже словами „здѣсь ваше холодное „я“ исчезаетъ въ пламенномъ эфирѣ любви“. Въмѣстѣ съ тѣмъ зависимость театральнаго взгляда отъ общеполитическихъ построений можно про-

Э. Мадзинъ. Деталь храма.

слѣдить и на дальнѣйшихъ вопросахъ театральной теории. Вѣлинскій не являлся наиримѣръ безусловнымъ поклонникомъ все большей и большей близости искусства къ жизни. „Естественность сценическаго искусства совсѣмъ—не то же, что естественность дѣйствительности“,— рѣшительно заявлялъ онъ въ статьѣ о „Гамлетѣ“. И это опять-таки неизбежно слѣдовало изъ принятія основного положенія Гегеля о томъ, что произведенія искусства, въ противоположность неизбежно случайнымъ явленіямъ дѣйствительности, всегда отражаютъ

идею предмета. Къ тому же и Ретшеръ рѣшительно заявлялъ, что точка зрѣнія, съ которой искусство представляется подражаемъ природѣ, „научнообразно уничтожена“.

Все это тѣмъ болѣе значительно, что отражаетъ общій духъ критики тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Знаменитая

статья Вѣлинскаго „Гамлетъ“, драма Шекспира. Мочаловъ въ роли Гамлета“ появилась въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. И, когда, раскрывъ зеленую обложку, углубляешься въ старый журналъ, сразу чувствуешь себя перенесеннымъ въ атмосферу нѣмецкаго духа. Рядомъ со статьей нашего критика мы находимъ „Гимназическія рѣчи“ Гегеля, изслѣдованіе Ретшера „О философской критикѣ художественнаго произведенія“ и отрывки изъ той статьи профессора Лихтенберга о Гаррикѣ, на которую, какъ на шедевръ театральнаго критика, указываетъ и Фуксъ.

Увлечение всѣмъ нѣмецкимъ сыграло роль и въ антипатіи Вѣлинскаго къ французскому искусству. „Мы очень несмысли въ нашихъ сужденіяхъ, когда слово „французъ“ слѣдится со словомъ „искусство““, — объяснялъ критикъ свое недовѣріе къ славѣ лучшихъ актеровъ и актрисъ Франціи: Тальмы, Жоржъ и Марсь. Но тонъ къ этому данъ былъ опять-таки всѣмъ кружкомъ его друзей. „У французскаго народа нѣтъ эстетическаго чувства“, — заявлялъ наприимѣръ Бакунинъ, рѣшительно говоря, что, какъ классицизмъ, такъ и романтизмъ, при всѣхъ ихъ

различіи имѣютъ общее въ отсутствіи истинной поэзіи. Тотъ же антифранцузской точки зрѣнія держались и въ „Телескопѣ“.

Въ періодъ мочаловскихъ триумфовъ въ „Гамлетѣ“ Надеждинъ помѣстилъ тамъ письмо Густава Планша къ Виктору Гюго и расписался въ солидарности редакціи съ самыми неумолимыми обличеніями французской драмы.

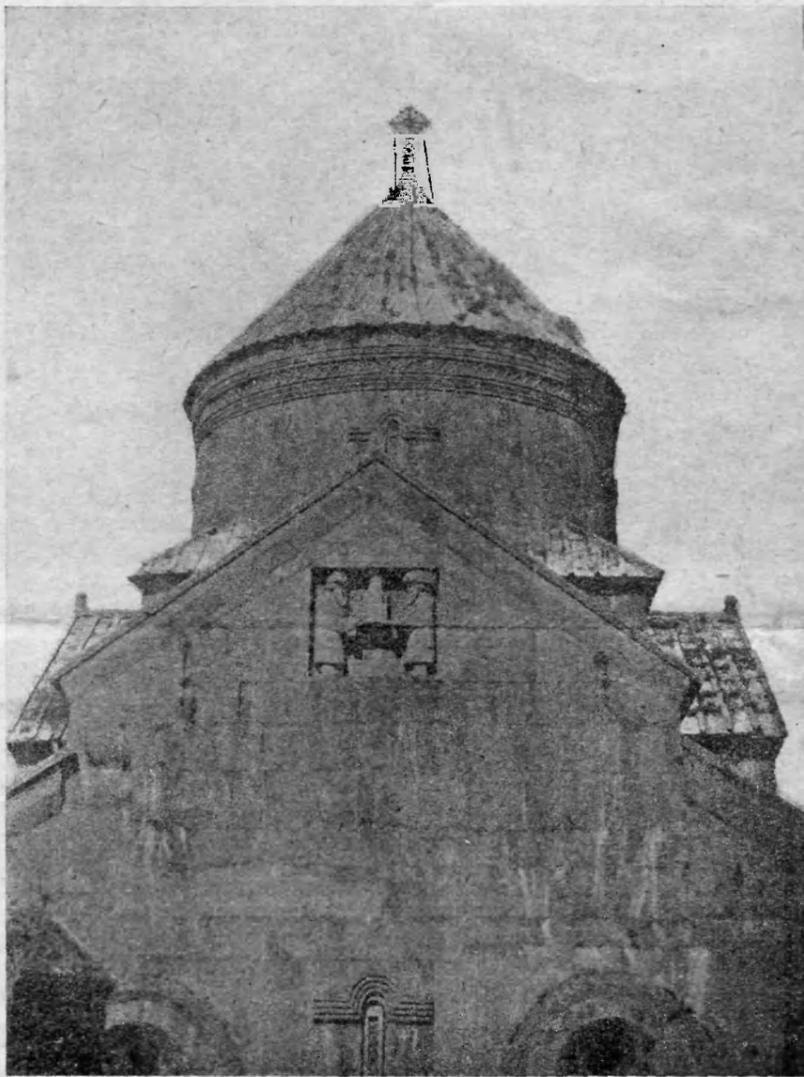
Русская критика тридцатыхъ годовъ отвергала всѣ сообразы и сама шла въ плѣтъ нѣмецкой эстетики. Но это было благодатное вліяніе, такъ какъ нѣмецкая критика, опираясь на выводы философіи, звала все выше и выше въ царство отвѣченной мысли.

Теперь нѣмцы снова говорятъ о красотѣ. Но нѣмцы нынѣшняго поколѣнія не могли не стать въ оппозицію къ лучшимъ преданіямъ прошлаго.

Вотъ почему даже у Фукса сквозь всю апологию красоты то и дѣло проскальзываетъ и ненависть къ царству мысли, и обожаніе новыхъ владыкъ жизни. Германия Вильгельма II и Круппа органически враждебна Германіи Канта и Гегеля.

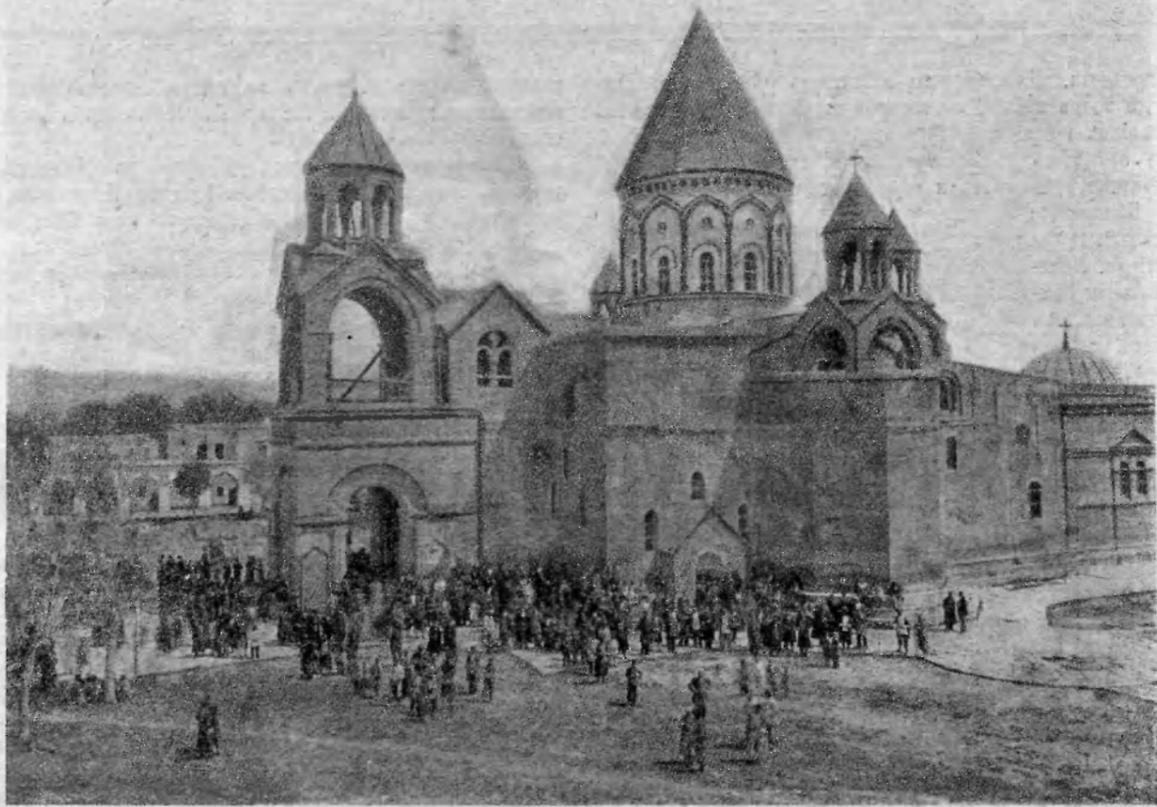
Въ этомъ—великое утѣшеніе и великая надежда на то, что „железная“ и „бронированная“ культура исчезнетъ безслѣдно, разсѣвшись какъ смутный, бѣгущій предъ лучами солнца миражъ.

Н. Долговъ.

Ахиаѣ. Церковь св. Креста. Постр. въ 967 г.

Эчмадзинъ. Общій видъ монастыря.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Письмо въ Редакцію *).

«Я не сержусь на ѣдки твой упрекъ,
На немъ печать»

Вашей публицистической слабости (сбиваюсь съ „ты“ на „Вы“, какъ Сергѣй Городецкій). Но Вы, будучи правы по существу,—во всемъ, что мы дѣлаемъ теперь и пишемъ, есть изрядная доля праздной суеты и „говорливаго молчанія“,—несправедливы ко мнѣ лично.

Вы отлично знаете, что никогда я не подходилъ къ Пушкину исключительно со стороны чаепитія. Это впрочемъ—пустякъ (условимся: дружеская колкость, за которую я Вамъ отплачу таковою же), а вотъ скажите: гдѣ у меня въ статьѣ о Брюсовѣ неуваженіе къ литературѣ? Напротивъ, потому она и написана, что я уважаю литературу, хочу, чтобы писатель былъ чѣмъ нибудь, имѣлъ лицо, а не былъ витринной смѣняющихся модныхъ образцовъ; чтобъ онъ пѣлъ полнымъ голосомъ свою пѣсню, а не былъ вѣчнымъ пробователемъ чужихъ, случайныхъ, другъ съ другомъ несвязанныхъ мотивовъ. Къ Брюсову я питаю чувство личное (въ этомъ согласенъ съ Садовскимъ). И я ему слишкомъ долго вѣрилъ въ кредитъ,—

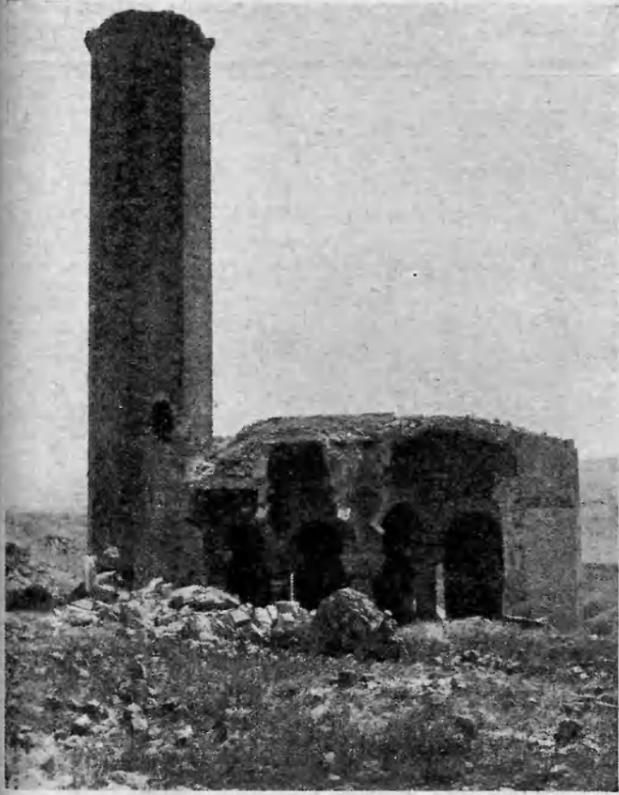
* По поводу замѣтки, помѣщенной въ № 20, Д. В. Философовъ получилъ отъ Н. О. Лернера настоящее письмо, которое печатаемъ изъ чувства справедливости. Ред.

наконецъ терпѣнье лопнуло. Двадцать пять лѣтъ человѣкъ чодаетъ надежды,—пора, кажется, хоть малѣйшую долю реализовать. Въ это двадцать пять томовъ займствованій, подражаній, пробъ, опытовъ и непроходимой словесности, словесности, словесности.

Уничтожать Брюсова я не собирался, такъ какъ убѣжденъ, что тутъ нечего уничтожать. Вычеркнуть его изъ русской литературы я не въ силахъ, но онъ и не войдетъ въ нее. Скорѣе войдетъ тотъ поэтъ изъ деревни, нѣсколько стихотвореній котораго—помните?—Вы мнѣ прочитали: у него свой голосъ. Войдетъ homo unius libri, даже авторъ одного стихотворенія (какъ Теод. Туманскій, задѣвшій своей „Птичкой“ нѣкую общественную струну), а Брюсовъ не войдетъ. Онъ—мертвѣе своего любезнаго Авзонія,—тогда былъ по крайней мѣрѣ виртуозъ версификаціи, каватный плясунъ и эквилибристъ. Едва ли Вы укажете хоть одно завоеваніе Брюсова. „Произведенія Брюсова говорятъ сами за себя“. Правильно: мнѣ они сказали то, что я о нихъ и написалъ. При этомъ я соблюлъ должное уваженіе къ человѣку и труженнику. Гдѣ тутъ грѣхъ прогнѣвъ литературы?

Пожалуйста не думайте, что я сержусь. Попржнему люблю и уважаю Васъ. Знаю, какого Вы духа человѣкъ и какъ любите литературу, хотя всегда пугаете и даже не знаете, что 25 июля 1830 г. Пушкинъ пилъ чай въ 10 час. вечера. Въ десять!

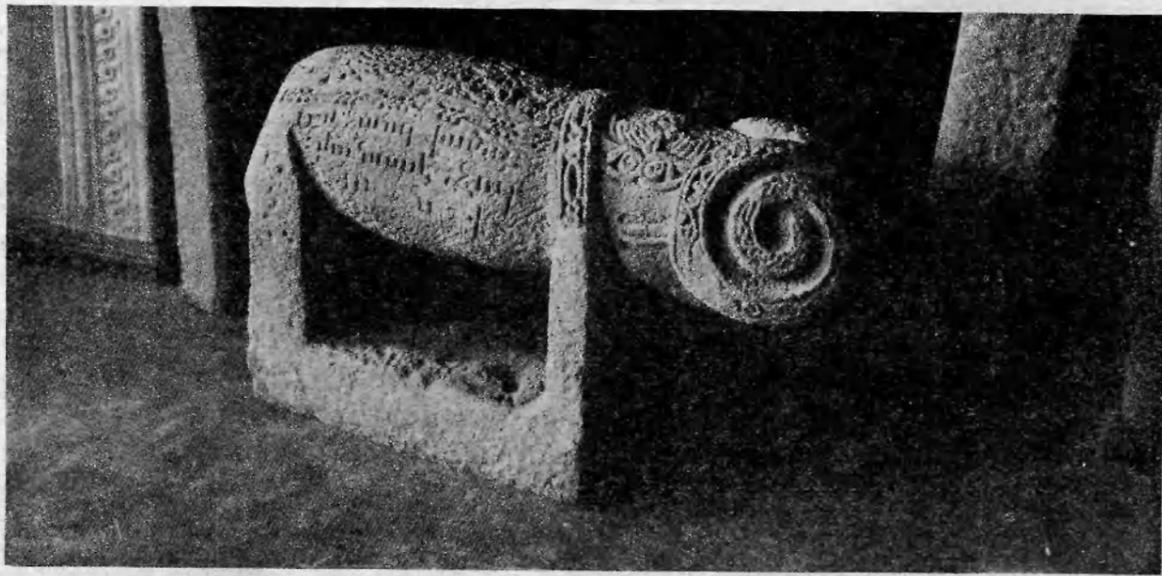
Вашъ Н. Лернеръ.

Ани. Мечеть (общий вид).

Ани. Церковь св. Апостоловъ.

Джульфа. Наѳробный памятникъ.

Оукидидъ и Владиміръ Каренинъ.

Когда нашъ учитель „грекъ“ давалъ намъ для перевода а live ouvert какую нибудь фразу изъ Оукидида, строкъ эдакъ въ двадцать, прежде всего мы, гимназисты, обливались холоднымъ потомъ. Затѣмъ, придя нѣсколько въ себя, начинали искать подлежащее и сказуемое. Разъ эти два таинственные существа найдены—дѣло въ шляпѣ. Незнаніе какихъ нибудь отдѣльныхъ словъ учитель прощаль. Онъ требовалъ главнымъ образомъ правильнаго пониманія самаго смысла фразы, ея архитектурной постройки.

Постепенно мы втягивались въ этотъ своеобразный спортъ. Намъ было лестно сознавать, что мы читаемъ Оукидидъ, Цицерона, Демосоена въ „подлинникѣ“ и кое-что въ нихъ какъ будто маракуюемъ.

Но стоить ли потѣть и страдать, чтобы найти подлежащее и сказуемое въ статьяхъ, да еще „литературныхъ“, Владиміра Каренина? Пятерки за эти страданія все равно не получишь, а сознаніе, что кое какъ повялъ не Оукидидъ и Демосоена, а... Владиміра Каренина, никакой гордостью не преспоколяетъ.

Вотъ примѣръ стиля Каренина изъ статьи о Мицкевичѣ („Рѣчь“, № 107).

„Нѣкоторыя страницы напримѣръ производятъ впечатлѣніе смѣшныхъ и утрированныхъ анахронизмовъ. Многя другія, напримѣръ все то, что Мицкевичъ говоритъ о Наполеонѣ I, предъ которымъ онъ преклонялся въ безмѣрномъ восхищеніи которому и поклонился и на котораго, какъ извѣстно, возлагалъ не менѣе безмѣрныя надежды, какъ на своего рода мессію, спасителя не только поляковъ, но и всего европейскаго человѣчества, не оцѣненнаго ни благодарными соплеменниками, ни міромъ, погрязшимъ въ интересахъ минуты,—безъ сомнѣнія слишкомъ носятъ явные признаки времени своего написанія: черезъ годъ послѣ перевезенія тѣла великаго корсиканца съ острова Св. Елены во Францію.“

Хочется сдѣлать конкурсъ среди читателей „Голоса Жизни“. Объявить, что первый изъ нашедшихъ подлежащее и сказуемое въ этомъ шедеврѣ русскаго стиля получитъ безплатно кольцо „аплике“ или „брюко-выпрямитель“.

Самъ авторъ повидимому очень доволенъ своимъ „мужественнымъ“ и „серьезнымъ“ стилемъ, потому что слѣдующая его статья, помѣщенная въ № 134 „Рѣчи“, написана въ томъ же родѣ.

«И надо отдать справедливость англійскому автору, что въ сжатой и популярной формѣ онъ толково и почти безъ промаховъ и ошибокъ, столь частыхъ у иностранныхъ авторовъ, писавшихъ и пишущихъ о Россіи, даетъ англійскому читателю понятіе о томъ, что далъ міру русская литература, наука (математика, физика и химія, астрономія, естественныя науки, исторія, науки социальныя) и искусство (музыка, живопись, скульптура, театр, прикладная искус-

Къ статьѣ „Армянское зодчество“

ства), и кто были и есть тѣ русскіе писатели, ученые, художники и композиторы, которые, каждый въ своей области, способствовали созданію или распространенію въ мірѣ новыхъ цѣнностей, все большей красоты, свободы, знанія и побѣды надъ физическимъ міромъ.

Для насъ, русскихъ, отродно и дорого встрѣтить на страницахъ популярной, предназначенной не для специалистовъ, книжки имена, составляющія нашу гордость и славу, и, въ кратчайшемъ изложеніи, рассказъ о томъ, что каждый изъ носителей этихъ именъ создалъ, разработалъ или сдѣлалъ общимъ достояніемъ человѣчества, т. е. дѣлалъ дѣло, двигающее впередъ это человѣчество».

Особенно пикантно, что надъ полуграмотными словозверженіями г-на Каренина крупными буквами напечатано: „Литературная недѣля!“ Бѣдная литература!

А вѣдь въ книжныхъ магазинахъ продается „полное собраніе сочиненій“ Владиміра Каренина чуть ли не въ десяти томахъ, и въ архивѣ С. А. Вевгерова собрана о немъ гора біографическихъ, автобіографическихъ, бібліографическихъ и т. п., и т. п. матеріаловъ!

Паклинъ.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА

необходимо сообщить новый адрес и обязательно **ПРИЛАГАТЬ ТРИДЦАТЬ (30)** коп. почтовыми марками и **СТАРЫЙ АДРЕСЪ**, наклеиваемый на оболочку журнала, или сообщать его письменно.

Лицамъ, желающимъ составить съ помощью самой незначительной затраты **ИНТЕРЕСНУЮ и РАЗНООБРАЗНУЮ БИБЛИОТЕКУ**, издательство А. А. Каспари предлагаетъ въ огромномъ выборѣ остатки изданій историческихъ и современныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей

по особо **УДЕШЕВЛЕННОЙ** цѣнѣ.

Авантюристка. Историческ. ром. В. Свѣтлова. 197 стр. Ц. 30 к. Бабушкины внушения. Пов. Е. О. Дубровиной. Ц. 15 к. Безкровная мѣсть. Истор. ром. Е. О. Дубровиной. 264 стр. Ц. 30 к. Безъ права. Ром. М. Жеребцовой. Фейя. Пов. А. Д. Апраксина. 128 стр. Ц. 40 к. Ближние. Ром. И. А. Строева-Поллина. 128 стр. Ц. 25 к. Боевая страда (отъ Плевны до Шипки). Романъ въ 3 ч. В. И. Немировича-Данченко. Ц. 50 к. Большія вѣтви. Ром. М. Жеребцовой. 112 стр. Ц. 25 к. Бѣдливый. В. Г. Его жизнь и значение для русской литературы и русскаго общ. Ц. 15 к. Внушение. Разск. И. Волковского. 94 стр. Ц. 20 к. Во власти золота. Ром. Л. А. Чарской. 176 стр. Ц. 25 к. Впередъ. Ром. Вас. Немировича-Данченко. 308 стр. Ц. 35 к. Въ вригахъ эдема. Ром. В. Я. Свѣтлова. 124 стр. Ц. 30 к. Въ добрый путь. Ром. А. А. Соколова. 240 стр. Ц. 30 к. Въ дыму пожаровъ. Истор. ром. В. А. Радича. 230 стр. Ц. 30 к. Въ пани дракона. Романъ А. И. Красницкаго. 640 стр. Ц. 1 руб. Въ паутинѣ. Пов. С. А. Миклашевской. Ц. 15 к. Въ столбномъ туманѣ. Угол. романъ Л. А. Чернаго. Ц. 20 к. Въ паутинѣ любви. Уголовн. ром. Н. Э. Гейнпе. 284 стр. Ц. 40 к. Въ чадъ любви. Ром. С. А. Миклашевской. 272 стр. Ц. 50 к. Въ чужомъ гнѣздѣ. Ром. С. А. Миклашевской. 208 стр. Ц. 40 к. Идѣ Богъ и правда. Истор. пов. П. Н. Полевого. 236 стр. Ц. 30 к. Господа коммерсанты. Ром. А. Пазухина. 168 стр. Ц. 25 к. Горлая воля. Ром. К. В. Назаревой. 160 стр. Ц. 25 к. Горный ручей. Пов. I. I. Ясинскаго. 240 стр. Ц. 30 к. Гроза Византии. Истор. романъ А. И. Красницкаго. Ц. 35 к. Грѣхъ прошлаго. Ром. А. Пазухина. 128 стр. Ц. 30 к. Два богатыря. Истор. ром. А. И. Красницкаго. 208 стр. Ц. 50 к. Дѣв силы. Ром. А. Д. Апраксина. 224 стр. Ц. 30 к. Для общаго блага. Повѣсть М. С. Серафимова. 312 стр. Ц. 60 к. Добрый геній. Ром. А. Д. Апраксина. 192 стр. Ц. 25 к. Дорого цѣною. Ром. А. Д. Апраксина. 136 стр. Ц. 30 к. Дымъ отечества. Романъ И. А. Строева-Поллина. 272 страници. Ц. 45 к. Дѣдушка Ларюнь. Романъ А. А. Соколова. 352 стр. Ц. 30 к. Дѣти-невольники. Повѣсть А. Е. Зарина. — На шаткой почвѣ. Ром. М. Ф. Караулова. — Но исполнителному листу. Пов. А. И. Лаврова. 312 стр. Ц. 35 к. Жертва Ваала. Романъ М. Ф. Жеребцовой. 128 стр. Ц. 25 к. Жертва трехъ честолубій. Истор. ром. Е. Дубровиной. Ц. 30 к. Жестокое испытаніе. Истор. ром. А. А. Арсеньева. 216 стр. Ц. 30 к. Завѣтъ матери. Пов. М. Ф. Жеребцовой. Ц. 15 к.	Заморскій выходецъ. Историческ. романъ Н. Н. Алексѣева. 372 стр. Ц. 30 к. Зарево. Ром. В. А. Радича. Ц. 25 к. Зароднюкровъ. Ром. Р. Д. Смѣльскаго. 264 стр. Ц. 40 к. Защитникъ угнетенныхъ. Уголовн. ром. И. Н. Мономарева. 198 стр. Ц. 25 к. Змѣя въ кольцѣ. Ром. А. И. Лаврова. 192 стр. Ц. 40 к. Золотая Фейя. Уголовн. ром. А. И. Соколова. 152 стр. Ц. 30 к. Игра судьбы. Ром. О. Вороной. 152 стр. Ц. 20 к. Измѣнникъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 128 стр. Ц. 40 к. Историческіе рассказы. С. Н. Терингорена. 376 стр. Ц. 30 к. Ищите и найдете. Истор. ром. кн. М. Н. Волконскаго. Ц. 50 к. Тахиль. Трагедія. — На зострѣ. Трагедія. — Не устоялъ. Фарсъ. 168 стр. Ц. 20 к. Князь Борисъ Тилинь. Ром. Е. И. Зарина. 184 стр. Ц. 30 к. Князь Дмитрій Донской. Истор. ром. А. В. Арсеньева. Ц. 30 к. Князь Михаилъ Вишневецкій. Истор. ром. I. Крашевскаго. 424 стр. Ц. 35 к. Красная княгиня. Ром. А. Лаврова. 192 стр. Ц. 30 к. Кровью, огнемъ и желѣзомъ. Истор. ром. А. А. Соколова. 192 стр. Ц. 60 к. Кулисы. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. 128 стр. Ц. 30 к. Курскіе порубежники. Истор. романъ В. И. Маркова. Ц. 35 к. Къ солнцу. Современный романъ Л. А. Чарской. 168 стр. Ц. 25 к. Легкія деньги. Ром. въ 2 част. К. В. Назаревой. Ц. 30 к. Липныя чувства. Повѣсть. — Поневоль. Разск. Д. Д. Мишаева. 216 стр. Ц. 30 к. Ложный слѣдъ. Романъ А. Е. Зарина. 216 стр. Ц. 30 к. Любовь. Ром. Е. О. Дубровиной. 136 стр. Ц. 25 к. Минджурское золото. Уголовный романъ А. И. Лаврова. Цѣна 40 коп. Маринка-безбожница. Историч. ром. П. Н. Полевого. Ц. 30 к. Маффія—царство зла. Угол. ром. А. И. Соколова. 288 стр. Ц. 40 к. Между долгомъ и счастьемъ. Романъ В. А. Пинчука. Ц. 30 к. Молодыя силы. Повѣсть В. К. Вулгакова. 276 стр. Ц. 25 к. Мощь женскаго сердца. Романъ Е. О. Дубровиной. Ц. 25 к. Мститель. Ром. К. В. Назаревой. 24 стр. Ц. 30 к. Муза. Ром. — Пять повѣстей и разск. I. Ясинскаго. 226 стр. Ц. 30 к. На зарѣ новыхъ дней. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 216 страници. Ц. 40 к. На нивѣ народной. Пов. М. С. Серафимова. 424 стр. Ц. 40 к. На огонекъ рампы. Очерки О. Н. Чюминой. 129 стр. Ц. 25 к. На роковомъ просторѣ. Истор. романъ П. Н. Полевого. Ц. 25 к. Неравный бракъ. Романъ В. Я. Свѣтлова. 286 стр. Ц. 40 к. Нечистая сила. Ром. I. I. Ясинскаго. 262 стр. Ц. 30 к. Ни та—ни другая. Ром. А. Круглова. 192 стр. Ц. 25 к.	Новгородская вольница. Истор. ром. Н. Гейнпе. 228 стр. Ц. 30 к. Новые повѣсти и рассказы. 1) У Тарасовой горы. 2) Около двѣтовъ. 3) Не поняли. 4) Степанъ Ивановичъ. Ц. 30 к. Новый человекъ. Пов. А. А. Соколова. 248 стр. Ц. 40 к. Новыя пѣсни. Ром. В. Я. Свѣтлова. 236 стр. Ц. 50 к. Опальный. Истор. ром. въ 2-хъ част. Е. О. Дубровиной. Ц. 30 к. Ординарный профессоръ. Пов. I. Ясинскаго. 228 стр. Ц. 30 к. Отецъ. Пов. В. Пинчука. Ц. 15 к. Отецъ Алексѣй изъ Заозерья. Ром. А. А. Соколова. Ц. 30 к. Передъ оурей. Истор. ром. В. А. Радича. 180 стр. Ц. 25 к. Пе тербурке гадалки, знахари и юродивые. Ц. 15 к. Побѣжденное сердце. Ром. И. Н. Визовскаго. Ц. 30 к. Подъ властью тьмы и свѣта. Ром. А. И. Лаврова. Ц. 1 р. Подъ внезапной грозой. Современ. ром. И. А. Строева-Поллина. 200 стр. Ц. 40 к. Подъ волнами Иматры. Уголовн. романъ А. И. Лаврова. 208 стр. Ц. 40 к. Подъ гнетомъ застоя. Повѣсть Е. Дубровиной. — Побѣжденный. Эпосъ В. Я. Свѣтлова. — Загробная сила. Разсказъ Е. Дубровиной. 118 стр. Ц. 15 к. Подъ каптанами и Современная Цирица. Дѣв пов. Е. О. Дубровиной. 184 стр. Ц. 25 к. Подъ корень. Ром. А. Е. Зарина. Цѣна 30 к. Подъ святымъ крестомъ. Ром. А. И. Лаврова. Ц. 40 к. Покинутый. Ром. А. А. Соколова. 144 стр. Ц. 35 к. По наклонной плоскости. Ром. К. В. Назаревой. 238 стр. Ц. 30 к. По призванію. Ром. В. Я. Свѣтлова. 208 стр. Ц. 30 к. Потомки титановъ. Истор. ром. К. В. Назаревой. 192 стр. Ц. 25 к. По стопамъ Великаго Петра. Истор. ром. Красницкаго. Ц. 50 к. Потрвоженныя тѣни. Разсказъ С. Атавы (Терингорена). Ц. 30 к. Поэтъ-посланикъ. Истор. пов. М. Никольскаго. 128 стр. Ц. 30 к. Право сильнаго. Ром. Л. А. Чарской. 168 стр. Ц. 25 к. Право сильнаго и Великое наслѣдство. Дѣв повѣсти Е. О. Дубровиной. 160 стр. Ц. 50 к. Предсказаніе ворожеи. Истор. романъ С. П. Киселевскаго. Ц. 20 к. Привычка. Пов. В. Муйжеля. — Отливъ. Разск. Ц. 20 к. Привязанный къ боярышнѣ. Истор. ром. А. А. Соколова. 214 стр. Ц. 60 к. Промыселъ Божій. Пов. I. И. Крашевскаго. Ц. 30 к. Просвѣтъ. Пов. В. А. Рышкова. 192 стр. Ц. 25 к. Путеводная звезда. Ром. А. Пазухина. 224 стр. Ц. 30 к. Пушкинъ, А. С. Его жизнь и произведенія. Ц. 15 к. Разбитая жизнь. Ром. въ 2 част. Е. Зарина. 228 стр. Ц. 30 к. Расплата. Ром. — Тайна. Разсказъ В. Я. Свѣтлова. 240 стр. Ц. 30 к.	Ренегатъ. Ром. А. И. Красницкаго. 320 стр. Ц. 60 к. Рождена быть принцессой. Ром. В. Мейеръ. Ц. 35 к. Роковая ошибка. Романъ К. Л. Гренъ. 184 стр. Ц. 25 к. Россия подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. Истор. очеркъ А. А. Соколова. съ портр. карт. и родословной табл. Ц. 50 к. Свѣтъ во мракѣ. Пов. и разск. В. И. Немировича-Данченко. Ц. 40 к. Свѣтъ погасъ. Ром. I. I. Ясинскаго. 192 стр. Ц. 30 к. Семья Колѣвниныхъ. Романъ кн. М. Волконскаго. 168 страници. Ц. 25 к. Сердце скажетъ. Ром. I. I. Ясинскаго. 240 стр. Ц. 30 к. Сестра милосердія. Истор. ром. А. Соколова. 624 стр. Ц. 1 р. 50 к. Сила неотраимая. Ром. А. Лаврова. 192 стр. Ц. 40 к. Сильфиды. Истор. ром. въ 3 част. И. Потапенко. 400 стр. Ц. 35 к. Сирена. Истор. ром. кн. М. Н. Волконскаго. 288 стр. Ц. 50 к. Слово и дѣло. Ром. И. Н. Потапенко. 240 стр. Ц. 30 к. Сожженныя степи. Истор. ром. А. А. Соколова. Ц. 60 к. Солнце встанетъ. Романъ Л. А. Чарской. 160 стр. Ц. 30 к. Столичныя тайны. Ром. А. И. Лаврова. 478 стр. Ц. 1 р. Съ живого кожу. Историч. ром. А. А. Соколова. Ц. 60 к. Сѣрые герои. Романъ А. Е. Зарина. 240 стр. Ц. 30 к. Тайна. Романъ А. А. Соколова. Ц. 30 к. Тайный врагъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 192 стр. Ц. 30 к. Тальянская чертовка. Истор. пов. П. Н. Полевого. 212 стр. Ц. 30 к. Тамъ и здѣсь. Ром. И. А. Строева-Поллина. 176 стр. Ц. 40 к. Татарскій отпрыскъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 282 стр. Ц. 35 к. Театральная болота. Ром. А. А. Соколова. 336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Темный блескъ. Романъ В. Я. Свѣтлова. 160 стр. Ц. 35 к. Тихія радости. Ром. А. Д. Апраксина. 166 стр. Ц. 35 к. Тяжелымъ путемъ. Разсказъ И. Митропольскаго. 112 стр. Ц. 20 к. Убийство на постояломъ дворѣ. Романъ I. I. Ясинскаго. Ц. 35 к. Удастся-ли? Пов. В. Григорьева. 272 стр. Ц. 30 к. У Покрова въ Левшинѣ. Пов. графа П. А. Валуева. Ц. 25 к. Утопія. Повѣсть В. Я. Свѣтлова. Ц. 15 к. Учитель. Повѣсть I. I. Ясинскаго. 104 стр. Ц. 20 к. Царица хунгузовъ. Ром. А. И. Лаврова. 160 стр. Ц. 40 к. Царскіи соколь. Истор. разсказъ А. Е. Зарина. — Отживающіе типы. Разсказы Е. О. Дубровиной. — Комедійное дѣйство. Пов. ХУІІ в. Янимова. Ц. 40 к. Царь—работникъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 248 стр. Ц. 40 к. Черезъ двадцать лѣтъ. Ром. Е. Дубровиной. 204 стр. Ц. 30 к. Чуднаѣ. Романъ Е. Дубровиной. 181 стр. Ц. 25 к. Чудо-богатыри. Истор. ром. А. П. Красницкаго. 208 стр. Ц. 50 к.

Требования и деньги адресуются: С.-Петербургъ, Лиговская улица, д. № 114, **КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО А. А. КАСПАРИ.**

При выпискѣ книгъ этой серіи (по особо удешевленной цѣнѣ) на сумму въ десять рублей и болѣе дѣлается уступка въ десять процентовъ.

При выпискѣ книгъ изъ провинціи покорнѣйше просимъ гг. заказчиковъ обязательно указывать ближайшую **ПОЧТОВУЮ СТАНЦІЮ**, что безусловно необходимо ввиду того, что всѣ книги высылаются только заказными бандеролями или посылками.

Книги высылаются также и наложеннымъ платежомъ, но не менѣе, какъ на одинъ рубль, причемъ при выпискѣ книгъ съ наложеннымъ платежомъ необходимо выслать въ задатокъ половину стоимости всего заказа. За каждое требованіе съ наложеннымъ платежомъ прибавляется десять коп. къ стоимости книгъ.

Цѣны на всѣ объявленныя здѣсь книги назначены съ **ПЕРЕСЫЛКОЙ.**

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать желательное ли получать журнал "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" съ 82-ми книгами полного собрания сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО, или безъ этихъ книгъ, а журналъ "ВСЕМИРНАЯ НОВЬ" — съ 50-ю книгами сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцією Д. В. ФИЛОСОВОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/2 долю листа), напечатанныхъ на высококачественной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Въ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **біографія**. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ **ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:—Война и Миръ, Анна Каренина, Крейцеровъ соната, Воскресеніе, Дѣтство, отрочество и юность, Казаки, Утро помѣщика, Семейное счастье, Декабристы, Записка маркера, Два гусара, Полюшка — **РАЗСКАЗЫ:**—Набѣгъ, Севастополь, Рубка лѣса, Встрѣча въ отрядѣ, Метель, Альбертъ, Люцернъ, Три смерти, Холостой бѣгъ, Тихонъ и Маланья, Идиллія, Смерть Ивана Ильича, Хозяинъ и работникъ, Корней Васильевъ, За что?, Ягоды, Пѣсни на деревнѣ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—Власть тьмы, Плоды просвѣщенія, Живой трупъ, И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, Отъ ней все мачества.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—Хаджи Муратъ, Отецъ Сергій, Дьяволъ, Послѣ бала, Фальшивый купонъ, Алеша Горюховъ, Зеленая палочка, Записки сумасшедшаго, Два спутника, Кто правъ?, Отецъ Василій, Кто убійца?, Лермонхъ Исидоръ, Хитица и проч. — **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:**—Чѣмъ люди живы, Первый винокуръ, Ходите въ свѣтъ, Кающийся грѣшникъ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:—Исповѣдь, Въ чемъ моя вѣра?, Христіанское ученіе, Ученіе Христа, изложенное для дѣтей, Что такое религія, Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг. — **КРУГЪ ЧТЕНІЯ:** — **СТАТЬЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія — **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году

въ видѣ **БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ** къ слѣдующимъ **ЖУРНАЛАМЪ:**

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“ — первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голосъ Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовлена русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голосъ Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣяній.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Востужова, А. Бякова, В. Брусилова, Б. Верхоулинскаго, З. Гиннуса, С. Гордеевича, Д. Дробинскаго, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачарова, Д. Крачковскаго, Д. Крюкова, А. Ремисова, В. Ропшина, Ю. Славянина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, И. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владиміра Гиллуса, В. Ирецкаго, В. Наратыкина, проф. А. Карташова, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Кравчиго, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мереминскаго, И. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Вилибинъ, Ф. Брунн, И. Добужинскій, Г. Лунинъ, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андриенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Януаеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:
52 №№ художеств.-литературн. журнала и 82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 3 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта — 2 р., къ 1-го юня — 2 р., къ 1-го августа — 1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ — 4 р. 50 к., за полгода — 2 р. 50 к., за 3 мѣс. — 1 р. 35 к.

Крайние номера — 20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными разсказами — новеллами русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. или отбѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и пр.), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., иллюстрац.

КАРТИНА-ПРЕМІЯ — „СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. 7 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта — 1 р. 50 к., къ 1-го юня — 1 р. 50 к., къ 1-го августа — 1 р. 50 к.

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ ПОДПИСКА** на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и

50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЛЬВА НИК. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ — **ДВА (2) р.**, къ 1-го марта — 1 р. 50 к., къ 1-го юня — 1 р. 50 к., къ 1-го августа — 1 руб.

Ввиду въ союу ЦѢЛНОСТИ для культуры и ра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ обращено особое вниманіе на ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ПЕЧАТАНИЕ и ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫШЕПРИЛОЖЕННАГО ВИДА ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.